

Александр Антонов

Приключения Клима Снегова

*Фантастический
роман*

Александр Антонов

**Приключения Клима Снегова,
курсанта лётно-штурманской
школы звёздного флота.
Фантастический роман**

«Издательские решения»

Антонов А.

Приключения Клим Снегова, курсанта лётно-штурманской школы звёздного флота. Фантастический роман / А. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935746-5

В этой книге Клим Снегов всего лишь курсант, будущий звездолётчик, а пока только сын знаменитых родителей. Но мягкий шлепок пониже спины, который отвесила ему рука судьбы, отправляет юношу в необыкновенные приключения, где ему предстоит посетить центральную планету соседней человеческой цивилизации, поползть на брюхе под огнём инсургентов на другой, менее цивилизованной планете, и, наконец, столкнуться с настоящей магией.

ISBN 978-5-44-935746-5

© Антонов А.

© Издательские решения

Содержание

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КЛИМА СНЕГОВА, КУРСАНТА ЛЁТНО-ШТУРМАНСКОЙ ШКОЛЫ ЗВЁЗДНОГО ФЛОТА	6
ТУР ВАЛЬСА С «ЗАБИЯКОЙ» (вместо пролога)	6
Дальний космос. Магистральное гипершоссе А-5. Борт глайна «Пигмалион». Единая дата: 15.05.0140	6
Граница планетарной системы Авиценна, пересадочная станция «Арго-5» – космопорт планеты Эсмеральда. Единая дата: 21.05.0140	7
Орбита Эсмеральды. Борт научной станции «Ньютон-11». Единая дата: 24.05.0140	9
Орбита Эсмеральды. Борт научной станции «Ньютон-11». Каюта Снеговых. Единая дата: 31.05.0140	10
Орбита Эсмеральды. Борт научной станции «Ньютон-11». Командирский мостик. Единая дата: 31.05.0140	12
Земля-седьмая. Штаб Звёздного флота. Кабинет заместителя начальника контрразведки контр-адмирала Боипело Коэна. Единая дата: 27.06.0140	16
ЗДРАВСТВУЙ, КЛИМ!	17
Земля-седьмая. Иллюзионариум Академии наук Звёздного флота. Единая дата: 27.06.0150	17
Земля-седьмая. Лётно-штурманская школа Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 28.06.0150	20
Земля-седьмая. Орбитальный учебный полигон лётно-штурманской школы Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 32.06.0150	22
Земля-седьмая. Общежитие лётно-штурманской школы Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 33.06.0150	24
Земля-седьмая. Орбитальный учебный полигон лётно-штурманской школы Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 35.06.0150	25
Земля-седьмая. Лётно-штурманская школа Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 38.06.0150	26
Земля-седьмая. Единая дата: 40.06.0150	27
ГАЛАКТИЧЕСКИЕ КУРЬЕРЫ	31
Дальний космос. Борт звездолёта «Маленькая Венеция». Единая дата: 42.07.0150	31
Дальний космос. Зона ответственности космической станции Земного содружества «Гондор». Единая дата: 20.08.0150	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Приключения Клима Снегова, курсанта лётно-штурманской школы звёздного флота Фантастический роман

Александр Антонов

*Геннадью Мартовичу Прашкевичу
с любовью и благодарностью*

© Александр Антонов, 2018

ISBN 978-5-4493-5746-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Очень хорошо!

В этих словах не было притворства. Мне действительно понравился прочитанный текст.

– Твой глоссарий, Доминик, станет прекрасным дополнением к основному тексту романа.

– Спасибо, – улыбнулся Катанья. – И я, с твоего позволения, посоветовал бы читателю начать именно с глоссария!

– Дельный совет! – согласился я. – Это поможет читателю лучше понять основной текст. Тем более что глоссарий следует признать не только дополнением к роману, но и самостоятельным произведением!

– И ещё...

– Ещё один совет?

– Скорее, это можно назвать сомнением. И касается оно языка, на котором написан роман.

– А с ним то, что не так? – Из моего голоса само по себе начало улетучиваться дружелюбие.

– Да всё с ним так, – поспешил успокоить меня Доминик. – Просто это язык нашего времени, а читать его, насколько я понял, будут лет так на триста раньше?

– Ах, вот в чём дело, – облегчённо вздохнул я. – На сей счёт можешь не беспокоиться. Текст романа – как и глоссария – обязательно будет переведён на язык двадцать первого века.

– Ну, тогда я спокоен за читателя, который, надеюсь, теперь не уснет, читая книгу с названием:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КЛИМА СНЕГОВА, КУРСАНТА ЛЁТНО-ШТУРМАНСКОЙ ШКОЛЫ ЗВЁЗДНОГО ФЛОТА

ТУР ВАЛЬСА С «ЗАБИЯКОЙ» (вместо пролога)

Дальний космос. Магистральное гипершоссе А-5. Борт глайна «Пигмалион». Единая дата: 15.05.0140

– Месье Ришар! – в третий раз прозвучало за окном.

Франсуа поморщился. Не отвяжется! Сам добавил эту опцию в программу. Можно приказать компьютеру отключить реалии, но тогда съют сразу превратится в обыкновенную, пусть и комфортабельную, каюту. Франсуа встал с дивана, подошёл к распахнутой балконной двери и выглянул наружу. Снизу с выложенного плиткой тротуара ему улыбался усатый разносчик восхитительных ароматов и свежей выпечки. Над этими усами Франсуа, когда добавлял разносчика в программу, трудился с особой тщательностью.

Добрый день, месье Ришар! – Носатое лицо разносчика расплылось в улыбке.

В ответ Франсуа лишь приветливо кивнул, что давало программе понять: к длительной беседе месье не расположен.

– Вам как всегда? – уточнил разносчик.

Франса вновь кивнул и вернулся в комнату, даже не подняв глаза на вид, открывающийся за балконным проёмом. С ним сегодня явно было что-то не так, поскольку вид был столь же восхитителен, как и запах свежеиспечённой сдобы, в своём, разумеется, аспекте. Чтобы не быть голословным замечу, что название запрограммированного реалии звучит так: «Вид на Париж с холма Монмартр 1-я половина XXI века». А Франсуа уже доставал из пищевого синтезатора, который, впрочем, все именовали просто сип, поднос с чашечкой горячего кофе, тарелкой с тёплыми круассанами, сахарницей и молочником со сливками. Поставив поднос на столик, Франсуа приступил к незамысловатой трапезе. Мрачно жуя круассан, он запивал его кофе без сливок и сахара, делая мелкие глотки. Доев первый, потянулся было за вторым рогаликом, но передумал. Вернул чашку с недопитым кофе на поднос, резко встал и, подойдя к приёмнику, спустил поднос в утилизатор. Тот укоризненно замигал красным светом, но уже через пару секунд вновь зажёг зелёный, мол, если чего ещё желаете уничтожить, так я со всей радостью.

– Чёртов «макаронник»! – с досадой воскликнул Франсуа, вновь опускаясь в кресло. – Так в самом конце подпортить мне отпуск.

Похоже, мы определили источник дурного настроения месье Ришара? Осталось узнать, что это за «чёртов макаронник» и как этого господина зовут на самом деле.

**

Доминик Катанья ступил на борт галактического лайнера, или, если использовать более употребительное слово, глайна «Пигмалион» во время остановки у Земли-седьмой, недавно построенной искусственной планеты, ставшей ещё и центральной планетой Земного Содружества. Молодой красавец в премьер-лейтенантском мундире Звёздного флота, украшенным академическим значком, сразу оказался в центре внимания женской половины вояжирующего

сообщества. Спросите, каким боком это задело Франсуа Ришара? Всё просто: до этого времени центром притяжения был он. Вспоминая сейчас, сколько сил и средств он употребил, чтобы добиться нужного результата, Франсуа аж скрипнул зубами. «Конец – делу венец» – одна из заповедей почившего родителя, которой Франсуа следовал по мере сил. Потому и заключительную часть отпуска постарался обставить по высшему разряду: сделать своё возвращение домой если не триумфальным, то, по крайней мере, незабываемым. Для начала он снял на глайне «Пигмалион» недешёвый съют с французским балконом. Как вы думаете, куда выходят окна, или назовите их по-другому иллюминаторы, на космическом корабле, не предназначенном для полётов в ближнем космосе? Правильно, в дальний космос. И что там можно увидеть, когда корабль мчится по гипершоссе? Вот не знаю, не видел, но понимающие люди смотреть на это не советуют, не для человеческого глаза, говорят, зрелище. Потому обзорные палубы и окна (иллюминаторы) космических кораблей любого класса открыты для внешнего обзора исключительно до момента перехода на гиперсветовую скорость, а после, пардона просим, закрываются наглухо до следующего подходящего момента. Или как на глайне «Пигмалион», открываются в виртуалреалити, но уже за плату: хочешь полюбоваться с прогулочной палубы на карибский закат – плати! Что до кают, так в них по большей части иллюминаторов нет вообще. Так что съют, да ещё с настоящим французским балконом – это круто! Нет, правда. Просыпаться утром под щебет птиц, когда проشمыгнувший через открытую балконную дверь утренний холодок – если запрограммировано лето – заставляет плотнее кутаться в лёгкое одеяло. А потом «Месье Ришар!» и за окном Париж! До последнего времени не одна прелестница пожелала убедиться в этом лично. О, этот Франсуа с его загадочной улыбкой, спортивной фигурой, тронутыми сединой висками и съютом! Но стоило появиться звёздному проходимцу с многообещающим значком на мундире и ты впервые за весь полёт просыпаешься в одиночестве! Нет, компаньонка в постель – дело временное. Собственно, и на эту ночь были претендентки, но, как бы помягче выразиться, другой возрастной категории. А Франсуа Ришар к столь значительной перемене так скоро готов не был.

В день нашего с ним знакомства отставной ловелас предпринял последнюю попытку отвоевать утерянные позиции. Сказал со скучающей миной что-то вроде, мол, значок – это ещё не факт, мол, его обладатель запросто может оказаться вовсе не звёздным волком, а вполне себе протирателем штанов в одном из штабных кабинетов, как у них там таких называют? – «тыловой крысой». Но Звёздный флот – это Звёздный флот! Почти закрытая привилегированная каста – передовой отряд человечества. Пробриться внутрь этой касты с каждым годом становилось всё труднее, и коль скоро на горизонте замаячил пусть и призрачный шанс, ни одна девица на выданье упускать такой не хотела. Дамы постарше, трезво оценивая свои шансы, были не прочь удовлетвориться короткой интрижкой, которой потом могли бы похвастаться пред менее удачливыми подругами. Посему распространённый Ришаром пасквиль в обществе – одинаково мужском и женском – должного понимания не нашёл, и плюнув на обстоятельства, месье утешился в объятиях красавиц второго, по его личной шкале ценностей, сорта.

И они таки отвлекли мрачные мысли, и пересел он в положенной время с глайна на межпланетный шаттл, собой и окружающим миром довольный, и как громом пораженный увидел в соседнем кресле улыбающегося «макаронника».

Граница планетарной системы Авиценна, пересадочная станция «Арго-5» – космопорт планеты Эсмемальда. Единая дата: 21.05.0140

– Вы тоже на Эсмемальду? – поприветствовав соседа, поинтересовался Катанья.
– Да, – кое-как ответив на приветствие, вяло подтвердил очевидное месье Ришар. – Я там, знаете, определённым образом живу, да и лететь нам вроде как больше и некуда.

– А вот тут вы неправы! – не скрывая радости, что уличил собеседника во лжи, воскликнул Катанья. – Лично я направляюсь на «Ньютон-11», научная станция на дальней орбите Эсмеральды, небось, слышали?

– Как же, – буркнул Ришар, – душевно за вас рад, – и тут же отвернулся, нажал кнопку на подлокотнике кресла, включив встроенный в спинку впереди стоящего кресла визор, вставил в ухо наушник, в общем, убедительно изобразил нежелание продолжать беседу.

Катанья пожал плечами и тоже включил визор. Так они и сосуществовали: оба рядом и каждый сам по себе вплоть до прибытия в космопорт – орбитальную станцию, зависшую над Эсмеральдой на стационарной орбите. Дальше их пути должны были разойтись: Ришара ждал один из гравитационных лифтов, чтобы доставить на поверхность планеты, а Катанью – катер до научной станции. Но прежде чем расстаться они успели слегка посориться, без повода, просто на роду им так было писано.

...«Доминик Катанья, прибывший с „Пигмалиона“, у „Встречного шесть“ вас ожидает Таша Снегова...»

– ... Вас слушать – уши вянут!

– А вы не меня слушайте, вы диктора слушайте – это не вас?

...«Доминик Катанья, прибывший с „Пигмалиона“, у „Встречного шесть“ вас ожидает Таша Снегова...»

– Что?.. Да, меня... А где тут «Встречный шесть»?

– Я покажу. Заодно посмотрю на эту Ташу. Она вам кто?

– Никто. Вернее, научный руководитель, с которым я пока лично не знаком.

Ришар хмыкнул, но от комментария – если научный руководитель женщина, то, может, не который, а которая? – воздержался, а уже через секунду подталкивал Катаню локтем.

– Это она?

Вопрос сопровождался кивком головы. Вектор кивка упирался в выходы с пассажирских пирсов, как раз к ним они теперь и направлялись. Разгадка определения «встречный» оказалась настолько проста, что Катанья даже слегка расстроился. «Сам бы разобрался, без этого „лягушатника“!» Крайняя мысль показалась молодому офицеру забавной, он заметно приободрился и стал искать глазами цифру шесть. Она светилась над выходом, который, как указывала сопроводительная надпись, одновременно являлся входом на служебные пирсы.

Ташу Снегову Доминик узнал сразу. Разглядывал её со всем вниманием и спутник Катаньи. «Получите и распишитесь!» – позлорадствовал Доминик, ощутив гормональный всплеск со стороны соседа. Как и приличествует спеги – женщине, рождённой на одной из искусственных планет Содружества, – Таша блистала естественной природной красотой. И лицо и ладная фигура были у неё не от «дяди доктора», а от папы с мамой, как и отчётливая славянская внешность.

– Здравствуйте, Доминик! – Белые ровные зубы в коралловом обрамлении чуть припухлых губ.

– Здравствуйте, доктор Снегова!

– Тьфу на вас! – возмутился его спутник. – Такую женщину, да по фамилии! Экий вы...

Пока попутчик рылся в мозгах, подбирая подходящее слово, Снегова вопросительно посмотрела на Катанью. Тот понял её правильно, но, вместо того чтобы представить спутника даме, лишь беспомощно пожал плечами.

– Мы хотя и летели вместе на «Пигмалионе», но разговорились только на шаттле, а вот познакомиться как следует, так и не удосужились.

У Снеговой пискнул коммуникатор. Это Ришар поспешил прислать визитку. Таша прослушала сообщение.

– Очень приятно, Франсуа, – улыбнулась она, обращая взор к Ришару. – Меня зовут Таша. А вы, стало быть, врач?

– Да. Притом женский. Так что...

– А вот это вряд ли! Я, знаете ли, возмутительно здоровый человек. К тому же у нас на станции хорошие врачи. Пойдёмте, Доминик! Нас ждёт катер. А вам, – Таша вновь повернула лицо в сторону врача, – хватит пациенток и на Эсмеральде. Всего доброго!

Снегова отвернулась от Ришара и направилась в сторону служебных пирсов. Катанья кивнул попутчику и, подхватив багаж, поспешил следом. Ришар ещё потоптался некоторое время возле невозмутимого «привратника», – такое нынче прозвище имели все механизмы, открывающие и закрывающие всяческие двери – вздохнул и *почапал* к лифтам.

Орбита Эсмеральды. Борт научной станции «Ньютон-11». Единая дата: 24.05.0140

В кают-компании было шумно. Чествовали планетолога Яна Сташевского. Сам виновник «загула» был слегка опьянён, не выпитым вином, – пьянство на Звёздном флоте каралось весьма жёстко – но всеобщим вниманием. К вошедшей в кают-компанию руководителю планетарной группы вице-командору Таше Сеговой он устремился с двумя бокалами, один тут же и предложил, сопроводив действие словами:

– Ну, зачем вы так суровы к нам, обворожительная шефиня! Верноподданные изнывали в ожидании вашего пришествия.

Таша, не поведя бровью, приняла бокал: сегодня этому «суслику» прощалось многое.

– И вовсе я не сурова, достойнейший Ян! Явилась сразу, как сменилась с вахты. Так что повода для изнывания не было никакого. Засим примите мои очередные поздравления: открыть новый астероид, тем более «бродягу», удаётся не каждый день!

Чокнувшись бокалами, Таша слегка пригубила вино, подарила Яну ещё одну улыбку и вернула бокал. Посчитав, что на этом можно и закруглиться, Таша оставила Яна и направилась к столику, за которым уже сидел её супруг, командир пилотажной группы командор Сергей Снегов.

– Обедать будешь? – осведомился Сергей, когда Таша расположилась за столиком.

– А ты ещё не... – начала Таша, но Сергей не дал ей договорить.

– Не обедал. Ждал тебя.

– Как это мило с твоей стороны, – улыбнулась Таша. – Я, к слову, ужасно голодна.

– Ну, это легко поправимо. – Сергей щелчком пальцев подозвал робота-официанта.

Пока машина ловко накрывала на стол Сергей, кивнув в сторону веселящейся компании, спросил у Таши:

– Тебе не кажется что с ним что-то не так?

– С Яном? – уточнила она. – Есть немного, но так оно понятно: служил себе, звёзд с неба не хватал, а тут на тебе, целого «шатуну» заарканил.

– «Шатун» оно, конечно, – согласился Сергей. – Но я имел в виду твоего новенького.

– Доминика? – лицо Таши сразу стало серьёзным. – И в чём это «не так» выражается?

– Да, конкретно, пожалуй, ни в чём, так, ощущения. Наверное, показалось. Забудь.

– Да нет, милый, не забуду. У меня ведь тоже ощущения, и тоже, представь себе, относительно Катаньи. Он ведёт себя так, словно приехал на время, в командировку, а не на длительную работу.

– Вот и я о том же, – подхватил Сергей. – Неужели по нашу душу? После стольких лет...

– Надо проверить, – решительно заявила Таша. – Это я беру на себя.

– Сыворотка правды? – прищурился Сергей.

– Так ведь самое эффективное средство. Для клиента никаких последствий, кроме кратковременного провала в памяти, а для нас полный букет сведений. К тому же зря я этой пакостью в своё время запаслась, что ли? А срок годности у неё, сам знаешь, неограничен.

– Всё так, – с сомнением произнёс Сергей, – но если он тот, кого мы опасаемся, то ему вполне могли ввести на такой случай антидот.

– Не думаю, – покачала головой Таша. – ведь если сыворотка не работает, это сразу выдаст в нём контрразведчика.

– Аргумент, – вынужден был согласиться Сергей. – Но как ты заставишь его принять сыворотку? Он ведь под благовидным предлогом откажется и от еды, и от питья.

– Но только не от «поцелуя душ», – стервозно улыбнулась Таша.

– Да, здесь ты мастер, – лёгкая тень проскользнула по лицу Сергея. – Только прошу, не переусердствуй.

– Вот только давай без подначек, – нахмурилась Таша. – Ты же знаешь: шуток на эту тему я не люблю.

Минуло семь дней...

Орбита Эсмеральды. Борт научной станции «Ньютон-11». Каюта Снеговых. Единая дата: 31.05.0140

– Как ты относишься к банальностям? – спросила Таша у мужа, входя в каюту.

– Из твоих уст приму и это.

– Тогда у меня две новости: хорошая и плохая. Хорошая: я всё выяснила.

– Плохая: Катанья контрразведчик? – уточнил Сергей.

– В точку, дорогой! – Таша плюхнулась на диван. – Собственно, это стал ясно ещё по ходу разговора: он чуть мешкал, подбирал ответы на специально заготовленные мной вопросы. И ещё он постоянно следил за моими руками.

– Опасался, что ты подсыплешь отраву?

– Угу, – кивнула Таша. – Подготовился засранец, но только не к тому, что я стану его соблазнять. Подробности нужны?

– Нет, – поспешно ответил Сергей. – Я, если ты не забыла, в курсе.

– Да, ты в курсе, – согласилась Таша. Короче, принял он сыворотку во время французского поцелуя, тогда как я обезопасила себя антидотом. Ну а потом мы побеседовали...

– И?.. – поторопил державшую паузу Ташу Сергей.

– Доминик Катанья. Выпускник Звёздной академии и по совместительству сотрудник контрразведки Звёздного флота. Вернее, наоборот.

– Выпускник контрразведки и сотрудник Звёздной академии? – пошутил Сергей, но Ташу это только рассердило.

– Великий космос! Юморить в такой ситуации...

– Извини, это по инерции. И зачем мы нужны контрразведке?

– Самое поганое, Серый, – горько усмехнулась Таша, – что мы ей вовсе не нужны. Им нужен...

– Джон Картер! – догадался Сергей.

– Точно, милый. Единственный уцелевший руководитель галактического заговора, вина которого так и не была доказана.

– Ввиду полного уничтожения всех документов при взрыве на Земле-третей 12.03.0128, в котором погибли к тому же и все возможные свидетели.

– Кроме нас, – уточнила Таша.

– Да, кроме нас, – кивнул Сергей. – Но как они узнали?

– Катанья раскопал. У них, в контрразведке, оказывается, есть что-то вроде квеста. Если хочешь взлететь по служебной лестнице – подыми архивное дело и доведи до логического конца. Награда по результатам. Катанья признался, что большинство охотников за должно-

стями сыплются ещё на подборе дела. Но ему повезло. В деле о галактическом заговоре он нашёл маленькую рапортницу о том, что некий медэксперт усомнился в гибели двух членов организации. Тогда аргументы сочли неубедительными, а Катанья, как он сам признался, скорее от безысходности, решил покопаться в этом направлении.

– И докопался до нас, – закончил за Ташу Сергей. – Ладно, можешь не продолжать. Детали неинтересны, когда цель достигнута. Но если я тебя правильно понял, нам ничего серьёзного не грозит. Тот заговор ведь не принёс никакого ущерба Содружеству?

– Если мы дадим показания против Картера, то вообще ничего не грозит, – подтвердила Таша.

– А если не дадим?

– Дадим, – вздохнула Таша. – Заставят.

– Даже так? – удивился Сергей. – Но это, если только с нарушением наших прав, но ведь...

– Это их не остановит, Серый, – тихо произнесла Таша.

Сергей редко употреблял крепкие выражения, но сейчас он сделал именно это.

– Но зачем? Я имею в виду, что они могут сделать Картеру? Он ведь так высоко сидит.

– Этого Катанья и сам точно не знает, но полагает, что наши показания обменяют на отставку Картера.

– А что? Это вполне возможно. Ну, и что нам делать, не кончать же, в самом деле, с жизнью? По мне, так карьера Картера того не стоит! Чего ты молчишь?

– Жду твоего мужского решения, и заранее на всё согласна.

У Снегова аж плечи распрямились. Он с обожанием посмотрел на жену.

– Принято! Что сейчас Катанья?

– Спит, но к своей вахте оклемается.

– И сразу предъявит полномочия командиру станции. – Сергей машинально сжал пальцами левой руки нижнюю губу точно посередине, как делал всегда, когда нужно было принять срочное решение. Меньше минуты ушло у него на то, чтобы рука перестала тереть несчастную плоть.

– У тебя запланированы сегодня полёты к спутникам? – спросил Сергей у Таши.

Спутниками называли группу астероидов, вращающихся вокруг Эсмеральды.

– Да, плановый полёт, один катер с экипажем и два космодрона, вылет группы через два часа, плюс внеплановый полёт одиночного катера к «Забияке». Планетолог, он же пилот Ян Сташевский. Ты же помнишь, у Яна есть лицензия пилота катера, – добавила Таша, заметив, что Сергей нахмурил брови.

– Да, да, это я помню, – кивнул Сергей, – я не помню что есть «Забияка»?

– Ну, как же? – огорчилась забывчивости мужа Таша. – Так Ян окрестил свой астероид, и теперь спешит использовать право первой ночи. Он уже в пути.

– Надеюсь, его хорошо проинструктировали. Но это не наш случай. А вот спутники... Ты можешь подменить планетолога в плановом полете?

– Без проблем. Но что это нам даст?

– А я без проблем подменю пилота. А даст нам это возможность быть подальше от Катаньи, когда он придёт в себя и начнёт махать своим жетоном, и время нам тоже даст. А это, согласишься, уже кое-что.

– Согласна, мой повелитель, разрешите выполнять!

Орбита Эсмеральды. Борт научной станции «Ньютон-11». Командирский мостик. Единая дата: 31.05.0140

Ян Сташевский чувствовал себя героем, да что там чувствовал – он был героем! Знаете, каково это из «мусорщиков» в герои? На сленге космических исследователей «мусорщиками» называли планетологов, специализирующихся на изучении малых планет и астероидов. В штате станции их числилось целых два – два «мусорщика» на жалкую кучку камней, вращающихся вокруг Эсмеральды, планеты земного типа без признаков разумной жизни, планеты «девственницы» пригодной для колонизации. И эта колонизация шла под чутким присмотром «планетариев» – планетологов, специализацией которых были планеты. Планетолог по планетам! Звучит, согласитесь, хуже, чем планетолог по астероидам, тавтология, да и только. Так они и тут выкрутились. Придумали, понимаешь, прозвища и «планетарии» зазвучали много музыкальнее чем «мусорщики». И вдруг один из этих «мусорщиков» открывает астероид, да ещё какой! «Бродяга» или «шатун», редчайшее для космоса явление, когда космическое тело движется не по определённой орбите, а гуляет, как кажется, где ему вздумается, пересекая дальний космос от одной планетной системы к другой по непонятной, до сей поры никем не просчитанной траектории. Такие космические гости изучены крайне мало, тут можно набрать материала не на одну докторскую. И что с того: была его вахта? Это не умоляет. Снегова так и сказала, и командир станции так сказал. И ему предоставили право не только дать астероиду имя, но и первому ступить на его поверхность. И он ступил. И вмонтировал в поверхность закладную табличку, мол, наше, не замай! И знамя Содружества водрузил. И лихо стартовал с поверхности, почти сразу на полной тяге, у «Забияки» даже искры из глаз посыпались, фигурально выражаясь. Ну, да, кое-что при этом нарушил, зато какой кайф словил! Когда по возвращении на станцию его зачем-то под конвоем повели на командирский мостик – искренне недоумевал, хотя ледяной взгляд, которым окатил его командир станции, пронзил тело аж до самых тестикул.

– Докладывайте, лейтенант, – с трудом выдавливая слова, словно ему тяжело говорить, приказал премьер-командор.

Сташевский и доложил, всё как было, не упомянул только про лихачество при старте.

– Всё? – уточнил командир.

– Так точно! – соврал Сташевский. Так, многие бы на его месте соврали.

– А приборы зафиксировали микровзрыв на поверхности астероида при старте. – Взгляд премьер-командора упирался точно в переносицу и, казалось, высверливал мозг.

– Виноват, форсировал тягу, но совсем чуть-чуть, – продолжил врать Ян.

– Может и чуть-чуть, – неожиданно согласился командир, – но ему хватило.

– Для чего хватило? – неожиданно немеющим языком пролепетал Ян, и уже невпопад добавил. – Кому?

– Как ты нарёк своего крестника? Ну, астероид?

– «Забияка».

– Вот ему и хватило. Обиделся твой крестничек, что ты ему зад подпалил, теперь меняет траекторию полёта и вот-вот пойдёт на Эсмеральду. Теперь понимаешь, что ты натворил?

Сташевский облизнул ставшие сухими губы и почти просительно произнёс:

– Может, обойдётся?

– Об этом тебе придётся крепко помолиться, и неважно умеешь ты это делать или нет, верующий ты или атеист. Но молиться ты будешь взаперти, я беру тебя под стражу. Арестовать!

Руки Сташевского сковали наручниками.

В этот момент на мостик ввалился Катанья. Именно ввалился, поскольку координация движений у него была явно нарушена.

– Где Снеговы? – потребовал он объяснений от командира.

– Великий космос! – изумление премьер-командора было столь же большим, как и упомянутый им объект мироздания. – Вы из какого комикса нарисовались, премьер-лейтенант?

Катанья молча достал жетон в одной обойме с удостоверением и предъявил комплект командиру.

Лицо премьер-командора, которое было до того белым от гнева, стало наливаясь багрянцем.

– Но, при чём тут Снеговы? – начал он. – Это ведь...

– Повторяю вопрос, – недослушал командира Катанья, – где сейчас Снеговы, господин премьер-командор?

– Командор Снегов и вице-командор Снегова находятся за пределами станции на плановом задании, господин премьер-лейтенант! – отчеканил командир станции.

Если до сего момента все присутствующие на мостике лишь навестили уши, то теперь, кто мог это сделать без ущерба для службы, смотрели на Катанью.

– Прикажите вернуть катера на станцию! – не обращая внимания на создавшуюся вокруг него обстановку, распорядился Катанья.

Командир открыл было рот для ответа, как заговорил бортовой компьютер:

– Астероид порядковый номер 0140GN-11 закончил разворот и движется по новой траектории. Вероятность столкновения с поверхностью планеты Эсмеральда сто процентов.

Командир моментально преобразился. Он как будто разом стал на голову выше всех в рубке. Властным голосом скомандовал:

– Боевая тревога!

И загремели во всех помещениях станции колокола громкого боя, извещая местное население: пришла, братишки, беда – отворяйте ворота!

Командир повернулся к Катанье.

– Ничем в настоящий момент не могу вам помочь, господин контрразведчик!

– Но...

– Напомнить пункт Боевого устава Звёздного флота, где говорится о правах командира после объявления боевой тревоги? – надменно выгнул бровь премьер-командор.

Но Катанья лишь отрицательно помотал головой. Он прекрасно помнил этот пункт, провозглашающий всевластие во время боевой тревоги командира над кораблём и экипажем. Прикажет и его засунут в утилизатор, а как-то не хотелось. Потому Катанья ещё и добавил:

– Виноват.

– Хорошо. Если будет объявлена шлюпочная тревога, настоятельно предлагаю проследовать на соответствующую палубу, там вас определят в спасательное судно.

«Предлагаю» не «приказываю» можно и возразить.

– Прошу разрешения остаться на мостике до конца!

– Как угодно, – неожиданно легко согласился командир. – Только ни во что не вмешайтесь. Это приказ!

– Слушаюсь.

Командир отвернулся от Катаньи и заметил понурого Сташевского зажатого между двумя рослыми сержантами. Тут же подал знак рукой, мол, уводите его отсюда!

– Компьютер, доложить о нахождении патрульного крейсера! – приказал премьер-командор.

– Патрульный крейсер находился на плановом ремонте правого маршевого двигателя в орбитальном доке над обратной, по отношению к нашей, стороной планеты. Как только астероид начал менять траекторию полёта, на крейсер было отправлено оповещение. Двадцать минут назад крейсер вышел из дока и идёт к нам на одном двигателе. Опоздание ко времени «Ч» сорок минут.

– Принял. Доложить о состоянии противометеоритной защиты планеты!

– Противометеоритная защита планеты в стадии строительства. Степень завершённости десять процентов. Против астероида 0140GN-11 в настоящий момент не эффективна.

Вот так. Не было на Эсмеральде противометеоритной защиты – болтались на орбите аж три крейсера! Стали строить защиту и два крейсера отозвали под их, «Ньютона-11» вроде бы гарантии. А они их разве давали? Ну, доложили честно, что вероятность метеоритной атаки из ближнего космоса равна 0,022 процента, а опасность, идущая из дальнего космоса, определению не поддаётся. «То есть, маловероятна? – спросили их» – «Ну, если основываться на имеющихся наблюдениях, да». И вот он прилетел, а им придётся подставлять голову, иначе...

– Компьютер, доложить вероятные потери среди населения планеты в случае столкновения метеорита с поверхностью!

– Не менее двенадцати миллионов человек.

– Компьютер, какова вероятность перехвата астероида станцией?

– Если начать манёвр в течение десяти минут – сто процентов. После столкновения вероятность разрушения станции сто процентов, астероида 0140GN-11 восемьдесят процентов. Все обломки как станции, так и астероида 0140GN-11 при падении либо сгорят в атмосфере, либо будут уничтожены имеющейся противометеоритной защитой.

Вот и вся арифметика! Двенадцать миллионов против научной станции. Хорошо, что все это слышали. Так легче командовать.

– Приготовится к манёвру на перехват астероида! Шлюпочная тревога! Всем, кроме дежурной вахты, покинуть станцию!..

– «Шлюпочная» – «Мостику». Пять минут до завершения эвакуации.

– Принято. – Командир машинально засек время. «Норматив перекрыт на полминуты. Не зря, выходит, потели во время учебных тревог».

– «Инженерный» – «Мостику». Маневровые двигатели переведены со стабилизирующего режима на ходовой.

– Принято. Курс на перехват!

– Есть, курс на перехват!

– «Шлюпочная» – «Мостику». Эвакуация завершена. На палубе одна шлюпка для технического персонала.

– Принято, – и уже совсем не по уставу. – Уходите, парни!

– Манёвр на перехват завершён.

– Принято. «Инженерный», все на мостик!

«Теперь всё. Теперь на станции только те, кто в рубке. Рубка сконструирована так, что сама является спасательной шлюпкой. Катапультироваться перед столкновением успеем, а вот уйти...»

– Компьютер, доложить процент вероятности на безопасный отход для рубки!

– Одна целая четыре десятых процента.

Женский голос, которым говорил биоэлектронный компьютер, раньше казавшийся премьер-командору приятным – теперь резал слух.

– До столкновения одиннадцать минут.

«Бесчувственная машина!», – мысленно ругнулся премьер-командор и отдал приказ:

– Рубку катапультировать за две минуты до удара! «Надеюсь, мой голос звучит не слишком уныло?..»

– Есть, за две минуты.

«... Не так, как у вахтенного начальника? Впрочем, я несправедлив. Голос у него вполне нормальный, только безрадостный. И это как раз понятно. Чему тут радоваться?»

– До столкновения десять минут...

**

После объявления на станции боевой тревоги связь стала общей и Снеговы всё слышали.

– Что будем делать? – посмотрела Таша на мужа.

Снегов пожал плечами.

– Если компьютер рассчитал, что от нас в этой ситуации может быть толк, нам бы уже сообщили, нет?

– Наверное, да.

– А командир? Ты слышала, как он произнёс слово «контрразведчик». Это сигнал нам, что Катанья на мостике и предъявил полномочия на наше задержание. Если командир мог, он бы прямо сказал: забейтесь куда-нибудь и ждите, чем всё кончится.

– А может статься, что про нас просто забыли, я имею в виду и компьютер тоже?

– Компьютер забыть не мог, вот не принять в расчёт... Никогда не предполагал пожалеть о том, что меня так воспитали! «Гнездо», «Странник» просит вводную.

– Командир, на связи «Странник», просит вводную.

«Странник» – позывной Снегова, и, видимо, Катанье это известно. Премьер-командор затылком чувствовал его взгляд.

– Чем их скорлупки могут нам помочь? – стараясь говорить безразличным тоном, произнёс командир. – Передайте «Страннику», пусть уходит на безопасное расстояние.

– «Компьютер» – «Командиру», последние расчёты показали, что «Странники» могут изменить траекторию полёта астероида 0140GN-11.

– Что?! Задробить крайнюю команду! Дайте полные данные!

Премьер-командор изучал висящую перед глазами схему. Действительно, если катер и оба космодрона одновременно ударят в одну точку на поверхности «Забияки» – это слегка изменит его курс. Астероид полетит к Эсмеральде по более пологой траектории. Будет время нашпиговать его зарядами и разнести в клочья задолго до входа в атмосферу планеты, это если крейсер раньше не подоспеет. Но Снеговы...

– Компьютер, рассчитать шансы на спасение для экипажа «Странника-1»!

– Ноль процентов.

Премьер-командор до боли в кистях сжал подлокотники кресла.

– Командир, время принятия решения!

У него всего одна минута и...

– Восемь минут до столкновения.

– Отправить вводную! «Странника» на громкую. «Простите, ребята, я не знаю всего, но, может, – командир покосился на Катанью, – так для вас будет даже лучше».

Почти тут же прозвучал голос Снегова:

– Вводная получена. Приступаю к манёвру.

Таша стояла за спиной Сергея, не мешая мужу управлять катерами. Чувство, что это по её вине они сейчас погибнут, было польно горьким, но, прав Серый: их так воспитали.

– Всё! – Сергей развернул кресло к жене. «Забияка» приглашён на тур вальса. Остальное сделает автоматика. Будем прощаться?

– Они нас слышат?

Сергей кивнул.

– Ну, так пусть умрут от зависти! – Таша села к мужу на колени и обвила его шею руками.

На мостике стояла тишина, которую нарушала лишь трансляция с катера. То, чем занимались сейчас эти двое, в другой ситуации вызвало бы и пересуды и наверняка осуждение, но теперь все, потупив глаза, почтительно молчали; все, включая Катанью.

Пошёл отсчёт.

– Десять...

Командир скомандовал «Смирно» и вскинул руку в традиционном на Звёздном флоте приветствии. Все, кто был в рубке, последовали его примеру.

– Пять...

Три мелкие звёздочки на экране локатора уже слились в одну и стремительно приближались к звёздочке побольше.

– Два...

В последнюю секунду, перед тем как быть взрыву, на мостике прозвучали два голоса мужской и женский, слившиеся в едином крике: «Клим!»

Земля-седьмая. Штаб Звёздного флота. Кабинет заместителя начальника контрразведки контр- адмирала Боипело Коэна. Единая дата: 27.06.0140

– Господин контр-адмирал, капитан-лейтенант Катанья после выполнения задания прибыл!

Адмирал, который что-то складывал в поставленную на столешницу коробку, поднял глаза.

– А, это ты Катанья? После выполнения задания вернулся, говоришь? Блестящая работа, мой друг! Настолько блестящая, что я больше не заместитель начальника контрразведки Звёздного флота, да и адмирал уже считай в отставке. Вот собираю вещички. Чего каплей глаза потупил? Я, помнится, обещал тебе кое-что после возвращения? Думаешь, обманул? Напрасно ты так думаешь! Боипело Коэн умеет быть благодарным. Досрочно присвоенного звания я тебя лишить не могу, уж извини! – По мере того как бледнел Катанья, широкое тёмно-коричневое лицо адмирала расплывалось в мстительной улыбке. – А вот засунуть служить в такую жопу, откуда ты не скоро выберешься, это я могу, да что там могу, я это уже сделал! – Лицо адмирала налилось гневом: – Марш в кадры, паршивец! – И опять издевательская улыбка. – Приятной службы, сынок!

ЗДРАВСТВУЙ, КЛИМ!

Земля-седьмая. Иллюзионариум Академии наук Звёздного флота. Единая дата: 27.06.0150

Летом 1578 года в Сент-Антуанском предместье славного города Парижа родился новый день. Ночь, укутавшись в сумеречный плащ, ушла, занавесив из жалости к досматривающим последние сны парижанам колыбельку новорождённого приятной прохладой. Но сон – это там, по ту сторону стены, а здесь на границе города с пасторалью уже всю гомонили птицы, да звенели клинки. Что было в те времена банальнее дуэли, хоть для двух клинков, хоть, как в нашем случае, для шести? Шестеро статных красавцев в пропорции трое на трое отчаянно пытались покалечить, а то и убить друг друга. Впрочем, дуэль была ещё в самом начале, потому дресс-код – белый верх, чёрный низ – ещё никем не был нарушен. Единственным отличием в одежде остаются шарфы, намотанные вокруг поясов: три зелёных и три красных.

Двое в сторонке кутаются в плащи. Зеваки? Не похоже. Скорее наблюдатели, внимательно следящие за происходящим на импровизированном ристалище. А вот и первое нарушение дресс-кода. Вскрик боли и на рубашке одного из дуэлянтов проступает пятно, как клюкву раздавили. Проходит совсем немного времени и «клюквой» помечены уже все участники дуэли, кроме самого младшего, когда его противник отмечен дважды.

Наступает кульминация боя. Один из подпоясанных красным шарфом валится на землю. Бедняга пропустил смертельный выпад, а убийца уже спешит помочь товарищу, которого теснит противник. Поздно! Товарищ с отметиной во лбу отдаёт богу душу. Сразивший его враг, в свою очередь, не выдерживает яростного напора нового соперника и падает, разбрызгивая красным по зелёному. Положение «красных шарфов» становится очевидно безнадежным. Юноша, который досель столь успешно противостоял своему сопернику, теперь оказывается уже перед двумя противниками, Пусть и в отличие от него ранеными – но двумя! А «зелёные шарфы» не спешат нападать. Они медленно расходятся, огибая юношу с разных сторон. Тот в явном затруднении: атакуешь одного и откроешь спину другому. Со вздохом он опускает шпагу. Сдаётся? Так, видимо, решили его противники, которые так же опустили клинки, готовясь принять почётную капитуляцию. Не тут-то было! Юноша стремительно срывается с места и проскакивает между противниками, те с недовольными возгласами устремляются за ним. Однако бегство длится ровно до первого поверженного. Юноша подбирает с земли вторую шпагу и, приняв оборонительную стойку, поджидает врагов. А они уже рядом и атакуют одновременно. И тут происходит удивительное: обе половинки тела юноши начинают действовать как бы самостоятельно, а шпаги в руках мелькают с такой быстротой, что за их движением невозможно уследить глазом. Вжик, вжик, вжик, и каждый из противников получает по нескольку уколов; они в растерянности отступают. Юноша никого не преследует, он хладнокровно ждёт новой атаки.

– Достаточно! – раздаётся со стороны наблюдателей. – Благодарю вас, господа, бой окончен, все свободны! Компьютер, отключить голограмму!

И вот уже нет Сент-Антуанского предместья, а есть огромный пустой павильон, где с пола поднимаются бывшие «мертвецы», но лишь те, что подпоясаны красными шарфами, их противники просто исчезли, как и все остальные голограммы. Отсалютовав шпагами друг другу и в сторону наблюдателей, трое бойцов направляются к выходу.

Человек, отдававший команды, поворачивается к спутнику.

– Ну как?

– Впечатляет, дорогой академик, весьма впечатляет!

Знакомый голос? А как освободился от плаща и шляпы, так просто вылитый Доминик Катанья, разве что слегка постаревший.

Вольфганг Шиллер улыбнулся. С таким именем и фамилией ему, казалось, на роду было писано стать композитором или писателем, на худой конец – художником, а он пошёл в инженеры. Но творческое начало, заложенное не в имени, разумеется, и не в фамилии – в генах, привело его в одну из лабораторий Института перспективных разработок Академии наук Земного Содружества, которая (лаборатория) при его непосредственном участии разрослась до самостоятельного института. Чуть позже, когда в составе Академии наук Содружества была образована Академия наук Звёздного флота, институт одним из первых был переведён под эгиду новой структуры. Не так давно институт отметил 150-летие со дня образования, а он – 82-летие своего директорства. У института, разумеется, есть официальное название, но редко кто даже в угоду официозу называет его иначе как «Иллюзионариум профессора Шиллера». Впрочем, дудки! «Иллюзионариум академика Шиллера» – так и никак иначе! Достаточно он проходил в профессорах, добавляя неблагозвучное «член-корреспондент» лишь при официальном представлении да на визитках, настолько достаточно, что после недавнего избрания выстраданное звание не перестаёт ласкать слух и шельма Катанья об этом, похоже, знает. Ишь как поёт...

... – Голограмма, которую можно потрогать руками – это... это... Я даже слово подходящее не могу подобрать. Когда шло представление, украдкой потрогал листочек на дереве – на ощупь, как настоящий!

– А когда по несколько раз в день трогаешь иллюзию – восторга, как я понимаю, не испытываешь?

– Что вы имеете в виду? – растерялся Катанья.

– Да обычную еду! – рассмеялся Шиллер. – Ту, которую предлагает тебе сип.

– А что тут такого необычного? – пожал плечами Катанья. – Нет, я, конечно, знаю, что это синтезированная пища, но ведь когда я родился, так оно уже и было...

– А когда я начинал работать в Иллюзионариуме, впрочем, тогда это была всего лишь лаборатория, так оно не было.

– Так вы, верно, тогда и академиком ещё не были? – сподхалимничал Катанья.

Грубая лезть не вызывает отторжения даже у умного человека, когда он к ней расположен. Шиллер лишь от души рассмеялся.

– Я тогда и профессором-то не был, простым инженером ишачил.

Заметив, как у Катаньи дёрнулась щека, академик добавил:

– Этому слову «ишачил» я научился у Таши Снеговой, она любила такие словечки. Отличный, я вам скажу, был человек – эта Таша, да и учёный перспективный. А её героическая гибель потрясла тогда всё Содружество. Пронеслась по жизни яркой звёздочкой и ушла последней вспышкой... – Академик помолчал потом, будто что-то припомнив, взглянул на Катанью. – погоди, ты ведь был тогда на «Ньютоне-11», или это было в другое время?

– Нет, именно тогда и было, – нехотя подтвердил Катанья и поспешил вернуть разговор в прежнее русло. – Вы начали говорить про синтезированную пищу...

Академик выгнул бровь, как бы спрашивая «разве?», потом лицо его прояснилось: слава звёздам, припомнил!

– Ну, так вот. В бытность мою простым инженером синтезировали учёные-пищевики биомассу, из чего – лучше нам с тобой не знать. Только содержала эта биомасса все необходимые для нормальной жизнедеятельности человека компоненты: белки, жиры, углеводы и тому подобное. И ингредиенты для её изготовления можно было выращивать в нужных количествах при крайне малых затратах в широком понимании этого слова. Одна беда: на вкус, вид и запах была эта биомасса гадость гадостью. Тебе не приходилось видеть, как выглядят просроченные продукты из сипа?

– Видел разок, – скривился Катанья, – когда забыл сбросить остатки лазаньи в утилизатор. Несколько дней потом на еду смотреть не мог.

– Вот это она и была, биомасса, – пояснил Шиллер.

– Великий космос! Зачем вы мне это сказали? Я ведь теперь...

– Хватит! – оборвал Катанью академик. – Переигрываешь, дружок. Стали бы в твоём ведомстве держать такую институтку.

– Виноват, – сразу посерьёзней Катанья, – больше не повторится!

– Ладно, – добродушно усмехнулся Шиллер, – или как там у вас говорят? – принято! Где там застряли наши бараны? В биомассе? Так вот, нашей лаборатории, в числе, правда, ещё пары-тройки ей подобных, дали задание привести эту бяку в потребный вид. Приемлемого результата удалось достигнуть трём лабораториям, включая нашу. Мы приплелись в хвосте. Уже ушли в космос корабли, где экипаж кормили супом и кашей от двух первых лабораторий. Только один вид супа и только один вид каши – никакого разнообразия их метод не предполагал. Так что часть продуктов приходилось всё же брать с собой, чтобы не свихнуться от однообразия пищи. И вот, когда про нас уже стали забывать, устраивает презентацию наша лаборатория: пять первых блюд, пять вторых, несколько видов закусок и десертов, и всё это из биомассы! Нас хвалят, а мы говорим: это не предел, наш метод позволяет в перспективе готовить из биомассы любую пищу. А всё почему? Да просто подход к решению задачи у нас и наших конкурентов был разный. Они решили не мудрить: одна группа меняет вид биомассы, другая – вкус, третья – запах. Получили результат, смешали: вот те каша, вот те суп! Хочешь чего другого – начинай всё сначала. Мы же стали решить проблему в комплексе, то есть стали учить машину понимать, что каждое блюдо имеет свой вкус, вид и запах, объединённые в единое целое. Долго бились над решением, а когда получили результат, всё остальное стало просто: задаёшь пищевому синтезатору параметры по виду, вкусу и запаху и если биомасса содержит все необходимые ингредиенты – получай хоть бифштекс с кровью, хоть пельмени сибирские!

– А с просроченными продуктами... как это? – спросил Катанья.

– Ну, это совсем просто. Ведь ты понял, что вкус, запах и вид синтетической пищи это своего рода иллюзия? Задай срок действия иллюзии равным сроку годности продукта, и всё.

– Хорошо. Выдаваемая сипом пища – это биомасса в оболочке из иллюзии, я правильно понял?

Шиллер кивнул.

– А то, что вы мне сегодня продемонстрировали, что это?

– Это всего лишь преобразованные энергетические волны, дорогой Доминик!

– Из какого вида энергии и во что преобразованные?

– Не стану отвечать. Во-первых, можешь не понять, а во-вторых, это тайна за семью печатями, и не мной, поверь, поставленными. Но конкретно по сегодняшнему эксперименту – а проникающее голографирование всё ещё находится на стадии экспериментов – кое-какие пояснения могу дать. Для всех участвующих в демонстрации объектов методом проникающего сканирования были сделаны энергетические копии.

– То есть касательно людей... – начал Катанья.

– Были сделаны точные копии всех внутренних органов. Молодец, на лету схватываешь! Затем копии поместили в два абсолютно идентичных приёмопередатчика со встроенными преобразователями энергетических волн. После этого голограммы были включены и в двух соседних павильонах возникли два Сент-Антуанских предместья. После этого в каждый из павильонов вошли по три фехтовальщика, подпоясанных в одном случае красными, в другом зелёными шарфами, а в каждом из соседних павильонов одновременно появились их голографические двойники. Дуэль, которую мы с тобой наблюдали, происходила одновременно на двух площадках, и на каждой люди сражались с голограммами своих противников.

– Которые при этом в точности повторяли все движения оригиналов, – закончил Катанья.

– Верно! Таким образом, люди по большому счету сражались друг с другом, но наносили при этом уколы только через голографическое оружие своих электронных двойников.

– То есть не имитировали бой, а дрались по-настоящему, без боязни серьёзно травмировать соперника. Здорово! А как же всё-таки реагировал организм участников боя на попадание?

– Хороший вопрос, – одобрил Шиллер. – Ну, про проступающую при нанесении укола кровь я говорить не буду, такими трюками овладели ещё несколько столетий назад. Что до организма, то, при любом попадании, в мозг посылался соответствующий сигнал. При лёгком ранении ощущение в месте попадания сравнимо с настоящим уколом. При ранении средней тяжести болевое ощущение не усиливается, но может частично или полностью онеметь раненая рука или нога. При тяжёлом или смертельном ранении тело бойца просто обездвиживается и он выходит из игры. Скажу по секрету: нашей разработкой уже заинтересовался спецназ Звёздного флота.

– Ещё бы! – ничуть не удивился Катанья. – Такой тренажёр! А какие перспективы для театра!

– Театра? – переспросил академик. Потом лицо его прояснилось. – Ну, конечно, театра, я как-то не подумал. И много ещё для чего!

– Но начали вы всё-таки с истбоя, – заметил Катанья.

– Разве это удивительно? Столько лет быть председателем Федерации исторических боевых искусств и не привлечь её членов к испытаниям собственного изобретения? Да меня бы не поняли!

– Я бы уж точно не понял, – подтвердил Катанья. – Но скажите, что это за юноша, который так ловко управляется со шпагой. Прямо Д Артаньян!

– Ну, что ты, Доминик, – не согласился Шиллер. – Любимец Дюма этому юноше в подмётки не годится, вот разве что ты в свои лучшие годы. Надеюсь, и по сей день тренировками не манкируешь?

– Стараюсь, – односложно ответил Катанья. Так я могу узнать его имя?

– Клим. Клим Снегов, сын той самой Таши.

Земля-седьмая. Лётно-штурманская школа Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 28.06.0150

Дежурный офицер, взглянув на жетон Катаньи, изобразил на лице любезность:

– Я предупрежден о вашем визите. Могу быть чем-нибудь полезен, господин вице-командор?

– А вот можете! Подскажите для начала, где занимается группа 4А?

– В 206 аудитории, – сверившись с коммуникатором, доложил дежурный.

– А проводите-ка меня туда. – Заметив, что дежурный замаялся, Катанья поинтересовался. – Есть проблемы?

– Согласно правилам внутреннего распорядка во время учебного часа дверь в аудиторию «привратник» может открыть только по специальной команде. Если вы настаиваете...

– Не настаиваю, – успокоил дежурного Катанья, – где я могу дождаться окончания урока?

– В комнате для посетителей, в холле второго этажа рядом с аудиторией, в офицерском буфете, но удобнее всего вам будет в моём кабинете. Так куда вас проводить?

– Ну, так к себе и видите.

Они поднялись на второй этаж, и офицер мимоходом указал на одну из дверей:

– 206-я аудитория, а вот и кабинет дежурного офицера, совсем рядом, и это первое из обещанных удобств, – офицер приложил ладонь правой руки к панели «привратника» и дверь в кабинет открылась. – Прощу!

В кабинете офицер указал Катанье на кресло перед большим экраном и отдал команду:
– Компьютер, аудитория 206! – Экран засветился. – Это второе из обещанных удобств. Что-нибудь ещё?

– Благодарю, господин капитан-лейтенант, вы сделали более чем достаточно.

– В таком случае я с вашего позволения удаляюсь.

Офицер коротко поклонился и вышел из кабинета. Катанья заказал в сипе лимонад и с запотевшим стаканом в руке расположился напротив экрана.

– Нус-с, и что теперь изучают кадеты? Компьютер, звук!

... – В 47-м году Эры Освоения или в 2197 году Старой Эры астрофизическая космолаборатория «Коперник» впервые в истории человечества проводила исследования за пределами Солнечной системы. В ходе научных изысканий профессорами Лоренсом и Глушко были открыты неизвестные ранее частицы...

Преподаватель астрофизики, миниатюрная брюнетка в форме капитан-лейтенанта Звёздного флота, прервала отвечающего курсанта.

– Вы уверены в точности ответа? Я имею в виду его последнюю часть.

Задумавшись, курсант машинально провёл ладонью по светлым волосам, затем лицо его озарилось догадкой.

– Виноват. Профессора Лоренс и Глушко открыли частицы, существование которых было теоретически обосновано тем же Лоренсом ещё во втором году Эры Освоения.

– А до него неоднократно предсказано авторами многих фантастических произведений, – закончила... – «Дарья Мей», услужливо подсказал Катанье коммуникатор. – Продолжайте, курсант Головки.

– Как оказалось, эти частицы при определённых условиях создают в открытом космосе волну, которая распространяется со скоростью, многократно превышающей скорость света. При этом волна распространяется исключительно в заданном направлении, создавая в пространстве тоннель за счёт того, что крылья волны, изгибаясь, смыкаются над её гребнем...

– Достаточно, Головки, 42 балла. Ответ продолжит курсант Снегов.

Уже знакомый Катанье по бою в Иллюзионариуме юноша не замедлил с ответом.

– Открытые частицы Лоренс и Глушко назвали гиперонами, волну, которую способны создавать в космосе гипероны – гиперсветовой волной, а тоннель, который пробивает гиперсветовая волна в пространстве – гиперпространством.

– Хорошо, – кивнула Мей. – В каком году был изобретён гипердвигатель?

– В 47-м году Лоренс и Глушко описали принцип действия гипердвигателя, а в 50-м году в СКБ Звёздного флота был испытан первый опытный образец.

– Верно. И последний к вам вопрос: каким образом звездолёт перемещается в гиперпространстве?

– Гипердвигатель создаёт в насыщенном гиперонами пространстве возмущение гиперполя. В результате под звездолётом образуется гребень гиперволны, а над звездолётом смыкаются её крылья. Внутри созданного гиперпространства звездолёт перемещается в заданную точку со скоростью распространения гиперсветовой волны.

– Достаточно, Снегов, 45 баллов. А формулу Лоренса – Глушко нам изобразит курсант Ван Линь.

– Чего хмуришься? – тихо спросил Снегов у друга.

– Да так... – попытался уйти от ответа Богдан Головки, но Снегов ему этого не позволил.

– Не можешь понять, почему Даша оценила твой ответ в 42 балла, а мой в 45?

– А ты, можно подумать, можешь? – начал заводиться Головки.

– Не-а, – рассмеялся Снегов. – Наша Даша и для меня одна сплошная загадка.

– Курсант Снегов!

– Я! – ещё не до конца осмыслив, откуда пришла команда, он отреагировал не только голосом, но и телом, оказавшись разом на ногах. Катанья в кабинете дежурного офицера одобрительно цокнул языком «Шустрый парнишка!».

Но Дарья Мей его восторга судя по строгому выражению лица не разделяла.

– Я полагаю, курсант Снегов, что ваша активность имеет прямое отношение к астрофизике. Видимо, вы разглядели в ответе курсанта Линь ошибку?

«А тут ты не столь шустр» – подумал Катанья, глядя, как Снегов сосредоточенно всматривается в начертанную формулу. Теперь Дарья Мей была с ним солидарна.

– Отставить, курсант Снегов, – приказала она. – Ошибки в формуле нет. Если бы вы были сосредоточены на занятии, то ответили моментально. Минус пять баллов! Вторая эскадрилья, занятие окончено!

– Эскадрилья, встать! – скомандовал дежурный курсант.

– Ну, что я тебе говорил? – тоном обиженного ребёнка произнёс Снегов, глядя в спину идущей к двери Мей, при этом он старательно не замечал довольную улыбку на лице Головки.

На выходе из учебного корпуса Катанью перехватил дежурный офицер.

– Уже уходите? Но, помнитесь, вы хотели поговорить с курсантом Снеговым?

– Я передумал. Ещё раз благодарю за содействие, господин капитан-лейтенант. Честь имею!

Земля-седьмая. Орбитальный учебный полигон лётно-штурманской школы Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 32.06.0150

– До выпуска осталось полгода, – шеф-пилот школы неспешно прохаживался вдоль шеренги выстроившихся у входа на лётную палубу курсантов. – За время учёбы вы неплохо освоили лётный тренажёр и вполне сносно летаете на малом базовом учебном звездолете, вашем любимом *мабузе*. Отставить довольные улыбки! Я имел в виду сносно в пределах лётной программы школы. Этих навыков вам хватит для того чтобы кое-как летать на боевых истребителях, но сможете ли вы на них воевать? Это мы сегодня и проверим. Внеатмосферный пилотаж лётчиков-истребителей в обязательном порядке включает в себя фигуру «Поцелуй кобры». Курсант Рантье!

– Я!

– Дайте описание пилотажной фигуры «Поцелуй кобры».

– Начинается фигура с имитации лобовой атаки. Перед столкновением маршевый двигатель для погашения скорости кратковременно переключается на реверс и тут же отключается. При помощи маневровых двигателей истребитель хвостом вперёд ныряет под брюхо вражеского аппарата и во время пролёта лазерным резаком вскрывает фюзеляж.

– Принято. Как известно, *мабуз* для выполнения сложных пилотажных фигур не предназначен, поэтому упражнение будем выполнять на боевом истребителе. Что за шум в массе? Считаете, что я оговорился? Впрочем, принято! Слово «упражнение» отставить! Будем заниматься варварским уничтожением мишеней-имитаторов. Остальное – в силе. К полёту будут допущены только те курсанты, кто на тренажёре набрал не менее 40 баллов... то есть, все. Это плохо: курсантов десять, а мишеней всего пять. Недовольство держать при себе! Выскажете его потом первой эскадрилье – это они не оставили вам больше мишеней. Зато следующие полёты первыми начинаете вы, тогда и отыграетесь за сегодняшние неудобства. А пока будем разбиваться на пары. Каждой паре по одной мишени. Сейчас я назову первую пару. Первый названный летит, второй – ждёт. Если мишень останется цела – летит, если нет – считай, не повезло.

Однако если хоть один из вас даст возможность слетать товарищу – всем по 40 баллов, виновнику торжества – 50. Вопросы?

– А если таких героев будет два или больше?

– Фантастику оставим на послеполётное время, курсант Головка. Первая пара: Муροками, Лещинский! Муροками к истребителю!

Муροками через шлюз прошёл на лётную палубу. Вскоре истребитель занял позицию на полигоне, сделал разворот и зашёл на боевой курс. Хрясь! И дроны-утилизаторы принялись собирать обломки мишени.

Шеф-пилот покосился на огорчённого Лещинского и вызвал следующую пару.

– Говорите два героя и больше? – усмехнулся шеф-пилот, когда ещё три мишени были разбиты.

Ответом ему было унылое молчание.

– Снегов, Головка! Снегов к истребителю!

Головка с волнением следил за полётом друга. Когда уже казалось, что столкновения не избежать, истребитель Снегова резко затормозил, одновременно переворачиваясь через хвост и ныряя под брюхо мишени, та прошла над ним целёхонькой.

– Зачёт! – голос шеф-пилота потонул в радостных криках второй эскадрильи. – Ну, ты, Головка, везунчик. Лети! – шеф-пилот подтолкнул Богдана к шлюзу.

– Вот что значит гены, – сказал довольный шеф-пилот, подойдя к стоящему в стороне Катанье. – Второй случай за историю училища, когда упражнение выполнено в первом же полёте.

– А кто был первым, господин командор? – поинтересовался Катанья.

– Его отец, Сергей Снегов. Серёжка подарил мне тогда возможность ухайдакать мишень...

**

С полигона в училище возвращались на списанном с действительной службы десантном боте, который в лётной школе выполнял роль шаттла. Рядом с входом в кабину пилотов друг против друга сидели Катанья и шеф-пилот, а чуть дальше таким же порядком (то есть друг против друга) расположились курсанты первой и второй эскадрильи. Одни, раздолбав на полигоне все мишени, пребывали в дурном расположении духа, другие – вот ведь всего лишь на одну мишень дров меньше наломали, а поди ж ты! – если и не пребывали в эйфории, то находились где-то неподалёку. Понятно, что между столь разнонаправленно заряженными группами если уже не детей, то ещё и не мужчин периодически проскакивали искры взаимной неприязни: одни подначивали, другие огрызались. Помня устав, курсанты старались браниться вполголоса, но отдельные выкрики всё же долетали до ушей офицеров. На вопрошающий взгляд Катаньи: не пора, мол, вмешаться, шеф-пилот лишь снисходительно усмехнулся.

– Пусть немного стравят пар, они же, как ни крути, – пацаны!

– А скажи, – обратился Катанья к шеф-пилоту. Когда того требовали обстоятельства, он умел входить в доверие, и офицеры успели перейти на ты, – чей там голосок из рядов первой эскадрильи всё время пробивается через общий гомон?

– Майк Говард, – поморщился командор. – Не мне это говорить, – доверительно наклонился шеф-пилот к Катанье, – но это яблочко определённо с червоточинкой.

– И в чём это выражается?

– Да хотя бы в том, что звёзд парень с неба не хватает, но гонора на десять Снеговых!

– А Снегов что тоже с гонором? – любопытствовал Катанья.

– А кто в их возрасте без гонора? – вопросом на вопрос ответил командор. – Разве что Головки. Хотя и у него это качество наличествует, иначе не ходил бы в отличниках, только не показывает он его.

– Скрытный, значит?

– Экий ты, брат, – поморщился шеф-пилот. – Испортила тебя служба, всюду измену ищешь. Вот ты говоришь «скрытный», а я скажу правильный!

– Да не заводись ты! – миролюбиво рассмеялся Катанья. – Правильный так правильный, тебе, кажись, виднее.

**

Разбор полётов продолжился в курсантской столовой. Особенно горячился Говард. Катанья с подносом в руках подошёл к столику, где тот витийствовал.

– Вы позволите? – офицер посмотрел на одного из курсантов и тот поспешил вскочить, забирая поднос.

– Прошу, господин вице-командор!

Вообще-то, у офицеров была своя столовая. Там тебе и робот-официант и меню побогаче. У курсантов же всё по старинке, как в XXI веке, чтобы служба мёдом не казалась, значит. Но иногда офицеры, по каким-то своим соображениям, садились за один стол с курсантами, на курсантском сленге «включали родителя». Так что манёвр Катаньи если кого и удивил, то не очень.

С появлением за столом офицера разговор меж курсантами прекратился. Некоторое время принимали пищу молча, но когда дошли до десерта, Катанья сам дал повод вернуться к прерванной беседе.

– Я был сегодня на полигоне, – начал он. Курсанты насторожились. – Видел полёты и, скажу я вам, все летали одинаково, а тому курсанту, который выполнил упражнение, на мой взгляд, просто повезло.

– Вот и я им втолковываю то же самое! – вспыхнул как спичка Говард. – А они: талант у него. А ему просто свезло, ведь так?

– Я уже своё мнение высказал, – не стал повторяться Катанья. – А что, на тренажёре он тоже у всех выигрывает, вы ведь дуэли устраиваете?

– Очень часто, – сказал один из курсантов, а Говард помрачнел.

– Был у нас в мою курсантскую бытность случай, – допив компот и промокнув салфеткой рот, начал Катанья. – Не могли два курсанта решить: кто из них круче? И дошли в своём противостоянии до дуэли на *мабузах*.

– Это как? – удивился кто-то.

– Это так. Пошли друг на друга во время учебного полёта в лобовую атаку. Уже не помню, кто из них в последнюю минуту отвернул, но другого с той поры все стали считать победителем.

– И что им за это было?

– Кажется, по строгачу получили, не помню точно, – безразличным тоном ответил, поднимаясь из-за стола, Катанья и тут же как бы спохватился. – Но лично я не одобряю их поступка, и вам ничего подобного делать не рекомендую, дуэль на тренажёрах тоже нормально.

Земля-седьмая. Общежитие лётно-штурманской школы Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 33.06.0150

... – Клим, это подстава! Загребите из школы перед самым выпуском!

– Подстава говоришь? – усомнился словам Головки Снегов. – А зачем это Говарду? Загребим, как ты выразился, оба. Нет, тут что-то не так. Да и тот случай, про который вся школа шушукается. Парни тогда, говорят, строгачом отделались...

– Даже если и так. Этот строгач тебе, как пить дать, в лётную книжку запишут!

– Думаешь, он там последним будет? – беззаботно рассмеялся Клим. – А если не приму вызов? Репутация труса, что за мной потянется, лучше, что ли? Нет, Богдан, выбора мне этот Майк не оставил.

– А если никто не отвернёт?

Снегов посмотрел в озабоченное лицо друга.

– Придётся списывать два *мабуза*. Кресла-капсулы пилотов по-всякому уцелеют, и тебе это известно не хуже меня.

Земля-седьмая. Орбитальный учебный полигон лётно-штурманской школы Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 35.06.0150

– Не понимаю, чего ты сегодня-то сюда припёрся? – говорил шеф-пилот Катанье.

– Как чего? Хочу посмотреть встречный бой.

– Это на *мабузах*-то? Я тебя умоляю! Без фигур высшего пилотажа это – не бой, а стрелька на встречных курсах: побеждает тот, кто наделает в корпусе противника больше условных дыр.

– Всё равно интересно.

– Да? – с сомнением посмотрел на Катанью командор. Ну, тогда любуйся...

Всё шло чередом. *Мабузы* первой и второй эскадрильи сходились на встречных курсах и разлетались, поливая друг друга условным огнём. Шеф-пилот насмешливо поглядывал на Катанью, который, казалось, с трудом изображал заинтересованность.

– Какого... – лицо шеф-пилота неожиданно напряглось. – «Полигон», что там у вас происходит?

– Не могу знать, – голос руководителя полётов звучал растерянно. – «„Лунь-1“ и „Лунь-2“» приказываю вернуться на прежний курс!

Вскоре на полигоне тишину нарушило только это: ««Лунь-1» и «Лунь-2»» приказываю вернуться на прежний курс!», повторяемое с фатальной обречённостью. Все, кто мог это видеть, смотрели, как два учебных звездолёта стремительно сближаются, идя лоб в лоб друг другу.

– Ну! – выкрикнул шеф-пилот, и как бы вняв его крику, один из *мабузов* резко отвернул вверх и в сторону, а другой, совершив кувырок назад, ушёл хвостом вперёд под его днище.

– Ух-х... – разочарованно выдохнула первая эскадрилья.

– Ура-а! – взорвалась криком вторая.

– Знали, стервецы, – вытирая пот со лба, – просипел шеф-пилот. – Ну, я им это всем припомню! А этих горе дуэлянтов, Снегова и Говарда... – Недоговорив, шеф-пилот замолк.

– Так и ты что-то знал, – сказал Катанья.

– Откуда? – удивился премьер-командор.

– Ты крикнул «Ну!» перед самым манёвром.

– А, ты про это... Видишь ли, современные *мабузы* помимо спасательных капсул для пилотов оборудованы ещё и «защитой от дурака», когда в случае крайней опасности бортовой компьютер берёт управление на себя, этого я и ждал.

– И дождался, – кивнул Катанья.

– Ничего-то ты не понял, – покачал головой премьер-командор. – Курсанты и то лучше разобрались. Не успела «защита от дурака» сработать, поскольку в кабинах дураков не оказалось. Говард просто отвернул, называй его, как хочешь, а вот Снегов выполнил на *мабузе* «Поцелуй кобры». А ведь такого даже его отец не делал...

Земля-седьмая. Лётно-штурманская школа Звёздного флота имени Сергея Снегова. Единая дата: 38.06.0150

– Зачем?! – командир-директор школы в упор смотрел на Катанью.

– Что зачем? – не увёл взгляда тот.

– Бросьте! – махнул рукой премьер-командор. – Я провёл внутреннее расследование. Мне известно, что это вы подкинули курсантам идею дуэли на *мабузах*, забыв добавить, что это всего лишь байка.

– Тогда вам должно быть известно, что я настоятельно не рекомендовал курсантам применять услышанное на практике.

– Да, да, – безнадежно махнул рукой командир-директор, – вы хорошо подстраховались.

– Тогда, если ваши вопросы ко мне исчерпаны, в рамках имеющихся полномочий вопросы буду задавать я. Как вы намерены поступить с участниками дуэли?

– Говард как зачинщик будет отчислен из школы без права восстановления.

– Жёстко, – прокомментировал решение директора Катанья. – А что Снегов?

– Отделается строгим выговором, – нехотя ответил командир-директор. – А что вы на меня так смотрите? Во-первых, его спровоцировали. Во-вторых, он наделён иммунитетом от отчисления, как сын героев космопроходцев. И, в-третьих, – директор с вызовом посмотрел на Катанью, – я так решил! Имеете, что возразить?

– А как же, – кивнул Катанья, – ещё как имею. Объявить только-только достигшего совершеннолетия мальчишку провокатором! Тут правильнее привлечь к ответственности офицера-воспитателя, вашего заместителя по воспитательной работе ну, и, пардонте, вас. Имеете что возразить? – передразнил директора Катанья, тогда как тот угрюмо молчал.

– С вашим «во-первых» будем считать разобрались. Перейдём к «во-вторых». Иммунитет от отчисления, насколько мне известно, на грубейшее нарушение дисциплины не распространяется. А выходка Говарда и Снегова именно таким нарушением дисциплины и является – грубейшим.

– Здесь я бы поспорил, – поспешно возразил командир-директор.

– То есть вы хотите сказать, что курсант, я имею в виду Говарда, отчислен из лётной школы за полгода до выпуска за нарушение, которое вы, директор этой школы, не считаете столь уж значительным?

Командир-директор аж зубами закрипел от бессилия.

– Хорошо, я отменю приказ об отчислении Говарда и, так же как и Снегову, объявлю ему строгий выговор, раз вы так на этом настаиваете.

– Я на этом настаиваю? – удивился Катанья. – Вырастили, понимаешь, мелкого негодяя, так, мало того, что хотите спихнуть его на действительную службу, так вы ещё и меня пытаетесь к этому решению пристегнуть. Не выйдет! Категорически возражаю. Говард должен быть отчислен, и именно без права восстановления!

– Но, – растерялся командир-директор, – оно ведь так и было.

– Неправда, – возразил Катанья. – Мы с вами установили, что те обстоятельства, которые якобы свидетельствуют в пользу Снегова, не являются убедительными. Значит, наказание для обоих участников дуэли должно быть одинаковым.

– Теперь я тебя понял Доминик, – негромко произнёс командир-директор. – Мстишь таким способом Таше? Не знаю за что, но мстишь. Как это мелко, господин вице-командор. Но я не позволю...

– Ваше «в-третьих»? – перебил его Катанья. – «Я так решил». Вы однажды уже сделали, как решили, там, на «Ньютоне-11», господин бывший командир станции, когда послали на смерть отца и мать своего курсанта. Ему ведь об этом вряд ли известно?

Этих слов хватило чтобы в образе командир-директора лётной школы произошли разительные перемены: он как бы потёк, превратившись из уверенного в себе офицера в придавленного жизнью старика.

– Это нечестно, Доминик, – тихо сказал он. – Тебе прекрасно известно, когда я отдавал тот роковой приказ, то не знал, что «Забияка» начнёт ложиться на прежний курс ещё до столкновения с ним «Странников». Это ведь стало понятно уже после их гибели, когда были тщательно изучены показания всех приборов, включая те, что находились за бортом станции.

– А Климу вы об этом готовы рассказать? – спросил Катанья. – После стольких лет молчания рассказать о том, что его родители могли бы жить, что их подвиг был, по сути, напрасен и всего лишь усилил желание астероида вернуться на прежнюю траекторию, «напугав» его настолько, что он поступил ещё круче, устремившись к границе планетарной системы по самому короткому пути, и вскоре её покинул.

– Чего ты хочешь? – устало спросил командир-директор. – Наказанием за тот случай стал мой перевод из действующего флота в резерв, где я до сих пор и остаюсь в том же звании.

– Вы хотите, чтобы Клим всё узнал? – напрямую спросил Катанья.

Командир-директор отрицательно покачал головой.

– Нет. Я столько лет негласно его опекал, и мне дорого мнение этого юноши обо мне.

– Тогда вам придётся его отчислить! – твёрдо сказал Катанья.

Лицо командир-директора дёрнулось, он с испугом посмотрел на Катанью.

– Отчислить, – повторил контрразведчик, – но не так, как Говарда, а с правом восстановления. Объясните своё решение нежеланием создавать прецедент: одному можно – другому нельзя, да и парня, скажете, портить не хочется, пусть это послужит ему уроком.

К командир-директору уже вернулась утраченная уверенность. Он, видимо, уже принял решение, однако спросил:

– Зачем тебе это нужно, Доминик?

– Я до конца этого и сам не понимаю, – Катанья говорил вроде бы искренне. – Считайте, хочу принять участие в судьбе парня.

– Странный способ ты для этого, однако, выбрал, – хмыкнул командир-директор. – Ладно, договорились! Если у тебя всё...

Земля-седьмая. Единая дата: 40.06.0150

Если сравнивать с Говардом, с ним поступили мягко. После того как перед строем зачитали приказ об отчислении, Говарда вызвали и показательно срезали с формы все знаки принадлежности к Звёздному флоту, тот не выдержал, заплакал. Клим с ужасом ждал, когда назовут его фамилию, но прозвучала команда «Разойтись!» Вечером, стоя у окна, Клим видел, как Говард уже в гражданке покидает расположение школы. Его очередь пришла на следующее утро. Форму ему оставили, не тронув ни одну из нашивок. С друзьями попрощался перед строем, как будто покидал школу не за правонарушение, а, скажем, по болезни. На КПП с ним попрощался сам командир-директор школы. В тот момент Клим уже еле сдерживался, чтобы подобно Говарду не разрыдаться, потому слушал наставления командир-директора и не впитывал ни единого слова, только старался отвечать впопад. Выйдя за КПП, остановился в растерянности: куда теперь?

– Клим!

Чуть в стороне стоял Богдан Головка и призывно махал рукой. Чуть полегчало. Клим махнул в ответ и направился к другу, только сейчас заметив, что тот не один. Темнокожая девочка, что стояла рядом с Головкой, была невысока ростом и свободно могла поместиться у рослого Богдана подмышкой. «Вот сюрприз так сюрприз, – думал повеселевший Клим. И где он такую симпатную отхватил? И, главное, когда успел? Вот тебе и тихоня Дан!» Подойдя вплотную, лихо щёлкнул каблуками. – Курсант Снегов! – Тут же опаматовал, стусебался, поспешил протянуть руку. – Клим!

– Мэри. – Чёрные кудряшки на голове и сочувственный взгляд столь же чёрных глаз. – Мэри Пирс!

– То есть Маша, – избавляясь от неловкости, переименовал Мэри на свой лад Клим.

– То есть Маричка, – поправил друга Богдан и, обняв девушку за плечи, добавил. – Моя Маричка!

– Мэри. Маша, Маричка, зовите, как хотите, мне все имена нравятся! – рассмеялась мулатка.

– И где наша Маша учится? – поинтересовался Клим, решив вести себя как можно более естественно.

– Отучилась наша Маричка, – сообщил обрадованный переменой в поведении друга Богдан.

– Да ну? – перевёл тот взгляд на девушку.

– Да, – подтвердила та, – буквально сегодня выпустилась из медицинского, теперь врач-интерн!

– И по этому поводу у нас сегодня веселье, – сообщил Богдан. – Надеюсь, ты с нами?

– Не надейся... – Заметив, как тень огорчения легла на лицо Богдана, Клим улыбнулся. —... А будь абсолютно уверен! Конечно, я с вами!

Мэри подхватила обоих кавалеров под руки и повлекла к эскалаторам. Эти полезные приспособления продолжали служить человечеству уже на протяжении четырёх веков. Те, к которым спешили наши герои, назывались «уличными» и поднимали или опускали людей с одного уровня на другой. Для перемещения через уровни чаще пользовались гравитационными лифтами. На Земле-седьмой общедоступных уровней было пять, и на каждом над головами голубело небо с бегущими по нему лёгкими облачками, а на любом свободном клочке почвы зеленели газоны, росли кусты или деревья, в ветвях которых щебетали птицы. Не было лишь солнца, а небосвод темнел или светлел в зависимости от времени суток. Строго по расписанию, чаще по ночам, на небе появлялись грозные тучи – городу ведь тоже полезен освежающий душ. Так были устроены все искусственные планеты Содружества, кроме одной. В 2141 году Объединённое человечество решило на месте отдавшего все свои полезные ископаемые Марса построить искусственную планету очень похожую на Землю и назвать её Земля-вторая. Бывший Марс получил схожую с земной атмосферу, а следом и гидросферу, и биосферу, и так далее и тому Земле подобное. Всё производство и часть сферы обслуживания населения разместили под поверхностью планеты, оставив саму поверхность исключительно для здоровой и счастливой жизни поселенцев, которыми стали все оставшиеся на тот момент на Земле жители. Получилось в целом неплохо, но очень затратно, особенно в плане поддержания всех сфер планеты в надлежащем состоянии. Последующие искусственные планеты строили уже по другому принципу: в центре, на поверхности и непосредственно под ней располагались технические уровни, а между ними – жилые, или, по-другому, общедоступные. Что касается Земли, то планету закрыли на карантин, но прежде демонтировали все поселения и крупные сооружения, оставив только наиболее ценные исторические памятники. Более ста лет Земля восстанавливает свою экосферу почти без участия человека, как ей самой вздумается. Теперь заповедными на Земле считаются зоны, где расположены те самые исторические памятники,

до них природе добраться так и не дают, как и до нескольких научных станций. Немногочисленный персонал, обслуживающий заповедники и научные станции, спускается на поверхность лишь на время дежурства, а живёт в воздушных деревеньках – так называли люди небесные поселения, которые в изрядном количестве повесили над планетой после того, как людям покорились земное тяготение. Впрочем, большую часть этих поселений тоже демонтировали в рамках принятого в Земном Содружестве Закона разумной достаточности.

Когда построили первую по-настоящему искусственную планету, то назвали её Земля-третья и сделали очередной столицей Содружества. Землю-вторую, восстанавливая историческую справедливость, переименовали обратно в Марс. Когда возникла необходимость строить новую искусственную планету-столицу, то возник вопрос: как её назвать? Нет, Землёй – это понятно, а порядковый номер? Четвёртой, что бы было по счёту? Но получалось как-то коряво. Есть Земля-первая и Земля-третья, а Земли-второй больше нет. И решили, чтобы не портить гармонию, впредь присваивать планетам-столицам только нечётные номера. Потому Земля-седьмая стала четвёртой столицей Земного Содружества. Understand?

Унесло нас куда-то в сторону от наших героев, а они тем временем уже заняли столик в подходящей для посещения курсантами ресторации с голомузыкой. Не подумайте плохого. «Голо» имеет отношение не к стриптизу, а к голограмме. То есть со сцены ресторана развлекают почтеннейшую публику голограммы известных исполнителей под их же фонограмму.

Веселье было продолжительным, но не до такой степени, как планировали сами ребята.
– Вы позволите?

Отказать офицеру Звёздного флота, даже если он сам не понимает насколько ему здесь ни рады, было бы верхом неприличия, и Богдан с трудом изобразил на лице радушие.

– Разумеется, присаживайтесь, господин вице-командор!

Климу лицо офицера показалось знакомым, кажется, он видел его в школе. Но не это заставило напрячься – он вдруг чётко осознал: вице-командор прибыл по его душу. И потому он ничуть не удивился, когда тот, присев за столик и представившись, после обратился именно к нему:

– Клим, мне нужно с вами поговорить.

– Пойдём, Маричка, потанцуем, – предложил Богдан.

– А можете и остаться, – не дав девушке ответить, предложил Катанья, – вы ведь уже догадались, что это был он? – если, конечно, у Клим нет секретов от друзей.

Вы бы после такого ушли? Вот и они остались.

– Собственно разговор у меня с вами, курсант Клим Снегов, будет коротким, – Катанья говорил властно, тоном, не допускающим возражений. – Я в курсе ваших проблем с учёбой, и в связи с этим имею поручение от командования Звёздного флота предложить вам, – у Мэри округлились глаза, Богдан нервно сглотнул и только Клим сохранял внешнее спокойствие, – в качестве члена экипажа звездолёта принять участие в одной весьма ответственной миссии, от успеха которой напрямую зависит ваше скорейшее восстановление в лётной школе. Итак, вы согласны?

Клим посмотрел на друзей. Маша зависла в ступоре, а Богдан отчаянно сигнализирует глазами: соглашайся быстрее, чего медлишь, дубина? А он и не медлил, просто приводил своё внутреннее состояние в соответствии с внешним. Наконец, ему удалось выдавить из себя нужное слово:

– Согласен!

Получилось немного не по уставу, но на «господин вице-командор» сил уже не осталось. Впрочем, Катанья этого, кажется, и не заметил.

– Добро! Тогда вот пропуск в офицерское общежитие, там тебя устроят на ночь. Завтра к 8—00 явишься в штаб Звёздного флота, пропуск на твоё имя будет заказан. А теперь мне пора. Мэри, Богдан, рад был знакомству, Клим, до завтра!

Друзья провожали взглядами вице-командора, пока тот не скрылась за дверью. Потом переглянулись.

– Мне кто-нибудь объяснит: что это было? – спросил Клим.

– Я точно нет, – честно призналась Мэри.

– Я тоже мало что понял, – сказал Богдан, – но ты-то?! Ты ведь выслушал предложение этого вицекома с абсолютно невозмутимым видом, прям сфинкс какой-то, и я думал...

– Насчёт сфинкса – это ты в точку, – согласился Клим. – Я прямо окаменел от неожиданности.

ГАЛАКТИЧЕСКИЕ КУРЬЕРЫ

Дальний космос. Борт звездолёта «Маленькая Венеция». Единая дата: 42.07.0150

«Великий космос!» – не удержался от крепкого выражения Катанья, когда две декады назад они первый раз ступили на борт «звёздного малыша» – единственного в своём классе звездолёта способного перемещаться в гиперпространстве. Бывший посыльный катер, списанный со Звёздного флота по выслуге лет, приобрёл на аукционе предприимчивый астраб. И, хотя его родиной, так же, как и любого другого астраба, была одна из искусственных планет Содружества, он явно страдал генно-исторической памятью. Нет, а чего бы он тогда превратил внутреннее убранство судна в некий музей-памятник городу, имя которого вписал в название корабля? Венецианская мебель, ковры, посуда, картины венецианских художников, – всё новодел, но очень качественный, – венецианские окна в каютах с венецианским пейзажем за окном – совсем, я вам скажу, недешёвое реалии. И при всём при этом сам город Венеция исчез с лица земли за двести лет до рождения почитателя памяти предков. Банально утонул. И только теперь, в рекультивационно-реставрационный период жизни материнской планеты кусочек Венеции подняли на поверхность. «Сентиментальный романтик», – так окрестил тогда судовладельца Снегов и добавил: «А по виду и не скажешь».

На поверку «романтик» оказался типичным занудливым сквалыгой. Примерно в таких выражениях о нём отозвался начальник контрразведки Звёздного флота вице-адмирал Фёдор Маккейн. Поначалу он – сквалыга, не адмирал, – качал права, включив при этом жуткого нытика, и у адмирала Фёдора разболелись зубы. На заключительной стадии переговоров судовладелец заказал такие отступные, что Маккейн плюнул на честь мундира и полез торговаться.

Так что же приключилось меж звёздами такого, что начальник могущественной секретной службы счёл правильным лично заниматься убалтыванием какого-то мелкого деляги? А вот и приключилось. Правда, началось всё несколько раньше и в изложении всё того же Катаньи выглядело так...

Когда отметка «единая дата» ползла по цифрам 41.09.0141 исследовательский корабль Звёздного флота «Эдмонд Гамильтон» вдруг взял и выпал из гиперпространства. Случилось это во время очень спокойной вахты: когда всё шло обыденным чередом, а до планового завершения гиперпрыжка оставалось около двух часов, гипердвигатель самопроизвольно остановился. Сыграли малый аврал, когда, не прибегая к колоколам громкого боя, тихонько поднимают лишь тех, кому это прописано. Пока главмех со товарищи почёсывали темечко возле затихшего двигателя, остальные, включая командира, обзрели «горизонт». Запустить на реверс маршевые двигатели необходимости вроде не было, и корабль скользил себе по инерции в том же направлении, в котором ещё совсем недавно гиперил.

«Штурман, доложить местоположение корабля!» – приказал командир.

«Так сразу и не скажешь, – пожал плечами штурман. – До места-то не дочапали. Навигационная группа уже делает расчёты, примерно через час доложат».

«Отставить кокетничать! – пустил металла в голос командир. – Доложи, что имеешь».

«Есть отставить кокетничать! – подтянувшись и сделав вид, что хочет прищёлкнуть каблукми, ответил штурман, а сам подмигнул хорошенькой стажёрке, наблюдавшей за ним украдкой, видно, для неё он так старался. – Находимся внутри некой

пустоши, ближе к тому краю, что сзади по ходу движения. До ближайшей звезды не менее парсека, впереди просматривается некий метеоритный рой, аккурат посреди пустоши и обретающийся».

На мостик вошёл главный механик.

«Ну, что, командир, – стараясь за бодрым голосом спрятать полнейшую растерянность, пробасил главмех, – похоже, прилетели мы на край света».

«Выражайся яснее!» – потребовал командир.

«Попробую, – кивнул механик. – Значится так. Гипердвигатель в норме, концентрация гиперонов за бортом в норме, а вот заглохли и не запускаемся, так яснее?»

Ответить командир не успел. Голос дежурного офицера прозвучал как два пистолетных выстрела: «Справа от метеоритного роя неопознанный космический корабль! – Бах! И через секунду. – Слева от метеоритного роя неопознанный космический корабль!» – Бах!

«Боевая тревога!»

Об этой минуте грезил поколения звёздопроходцев, ждали, когда он грядёт, Контакт. И вот он грянул, и не один, а разом два. И перекрылся для пытливого человеческого ума казавшийся бесконечным звёздный путь, правда, пока в одну только сторону, зато двумя шлагбаумами разом. Оказались те космические корабли пограничными крейсерами Звёздной Федерации и Кооперативного Галактического Союза соответственно. Разные на них прилетели ребята, но высказались односложно: дальше вам ходу нет! – А что? А где? А как? – Точной границы нет, но дальше метеоритного роя не залетайте. Стройте где стоите пограничную станцию, как построите – зовите в гости, до этого времени контактов не будет! – А как нам отсюда убраться? – Заглохли? Понятно! Отскачите на маршевых пару-тройку тераметров, там должно заработать».

Вольный пересказ первого Kontakта поверг командование Звёздного флота в шок и уныние. Сначала решили: командир точно чего-то недосказал. Верно, наши ихних как-то заделали, – ненароком, невзначай – а те и обиделись. Отдали бедолагу командира в лапы узких специалистов, – в простонародье мозгокрутов – однако, как те не старались, каких-то могущих порадовать слух начальства подробностей из головы звёздопроходца извлечь не сумели. Проще говоря, правду он изрёк, полную и сразу. И заключалась эта правда в том, что оказавшись в новом секторе галактики, исследовательский звездолёт имел контакт с двумя космическими кораблями опять-таки двух же цивилизаций, поименовавших себя Звёздной Федерацией и Кооперативным Галактическим Союзом. Контакт получился исключительно дистанционным и крайне коротким. Все, что можно из Kontakта извлечь – это: и те и те похожи на людей (судя по изображению на экране), и те и те достигли уровня развития не ниже нашего (от глубокого сканирования закрылись экранами), и те и те отказались от всяческих контактов до поры пока мы не оборудуем границу. Вывод? Будем оборудовать границу!

Нет, что ни говори, человечество, когда упрётся, то может! Пограничную станцию соорудили в рекордно короткие сроки. Начали с того, что установили на точках входа и выхода приемопередающие гиперворота, внушительных размеров космические станции узконаправленного действия, снабжённые помимо приемопередатчиков ещё и гипергенераторами. Проще говоря, проложили от Земли-седьмой до границы гипершоссе, по которому и стали летать грузовые корабли с сегментами для строительства станции. Станцию из готовых сегментов собирали тут же, вблизи гиперворот, потому и собрали быстро. Получилось что-то вроде малой искусственной планеты, только не вращающееся по орбите вокруг некоего светила, а зависшей в конкретной точке пространства. После торжественного открытия станции стали думать, как известить об этом соседей по пространству? Долго ломать головы не пришлось, вскоре те заявили сами –

подглядывали, что ли? И в этот раз пришли не пограничные крейсера, а дипломатические яхты. Прибывшие на них мужчины и женщины внешне были удивительно похожи на людей. – Как выяснилось позднее, и по внутреннему строению тоже. – Удивлению по этому поводу представителей человечества удивились сами. Как, мол, вы же должны быть в курсе того, что этот сектор пространства предназначен для освоения исключительно человекоподобными. На робкий вопрос «откуда нам про то знать?» удивились ещё больше: мол, как, разве вы не читали Библию? А уже на вопрос, откуда они знают про Библию, начали вроде как даже сердиться. Суховато так ответили, что Библия есть у всех и предложили перейти к другим вопросам.

Уже по одному тому, что обе яхты потребовали одновременной швартовки, стало ясно: промеж собой отношения у этих ребят не самые простые. Пришлось хозяевам срочно готовить для торжественной встречи ещё один причал, делить на две равные по рангу группы комиссию по встрече, точно таким же образом поступить с почётным караулом, и всё такое прочее в том же духе. Стоит ли говорить, что переговоры проходили в одно и то же время в двух одинаково оформленных залах. И вот что интересно. И чопорные, одетые в строгие военного образца мундиры, федералы, и, задранированные в вызывающе яркие одежды, слегка разнужданные, кооператоры вели переговоры примерно в одном ключе. На вашей станции есть дипломатический модуль? Отлично! Мы готовы арендовать один из секторов для размещения там нашего консульства. Об обмене посольствами или размещении вашего консульства на нашей пограничной станции речи пока не идёт. Извините, но вы всё ещё на карантине! Президента Земного содружества – лично прибыл для встречи с внеземными цивилизациями и теперь мотался между двумя залами – это «всё ещё» вознало в некоторую оторопь. Задумался, с какого времени начинается это самое «ещё»? С момента прибытия сюда нашего исследовательского корабля, или они следят за нами уже давно? Потом решил на это обстоятельство плюнуть – разумеется, временно – и стал предлагать новоявленным соседям, если уж те не спешат с посольством, то пусть хотя бы совершат ознакомительный полёт в пространство Содружества. Случайно, или по наитию, но первыми – и это потом всегда ставилось в заслугу президенту – предложение выслушали федералы. Удивлённо переглянулись, осторожно поблагодарили за приглашение и тут же заявили, что на ответный шаг Содружество рассчитывать не может. Конфуз был столь очевиден, что федералы снизили до объяснений. Когда они – не так уж, кстати, и давно – установили контакт с кооператорами, те сразу предложили самый широкий обмен делегациями. Осторожные федералы предложенный список изрядно подкорректировали, но в целом предложение приняли. И были неприятно поражены, когда гости, едва проникнув на чужую территорию, занялись всеобъемлющим шпионажем и вербовкой граждан Федерации. К счастью, население Федерации является в своём большинстве гражданами законопослушными, и преступная деятельность кооператоров пресеклась в самом зародыше. Короче, после недолгих размышлений президент Содружества решил, что коли карантин, то почему односторонний? Так отношения между Земным Содружеством, Звёздной Федерацией и Кооперативным Галактическим Союзом во всех сферах были объявлены симметричными.

Вот ведь и карантин, и опять-таки симметрия, а жизнь на «Гондоре» – так окрептели пограничную станцию – стала потихоньку побулькивать в основном стараниями кооператоров. Их сектор помимо дипломатов, учёных и журналистов – джентльменский набор от федералов, – стали заполнять всех мастей торговцы. И вот уже помалу заработал предусмотрительно построенный, так сказать, на вырост межгалактических отношений, таможенный модуль – и как таможня, и как перевалочная база. Товарообмен между Содружеством и Кооперативным Союзом стал расти, и жизнь на «Гондоре» пошла суетная. Может, потому и не заметили вовремя возникновения

некого договора между кооператорами и потребителями – так на сленге звёздопроходцев именовались все насельники Земного Содружества, кто не имел отношения к Звёздному флоту. Договора, с точки зрения коммерции, пустяшного, однако просверливающего в границе дыру, достаточную для проникновения иноземных – то есть не из Земного содружества – гостей. Где вы в договоре увидели дыру? вопрошали «допустившие» и «прошляпившие». Так, дырочка, через которую может пролезть всего-то один звездолётник самого ничтожного класса. Притом обоюдно: один к нам – один к ним, чего шуметь-то? Доводам поначалу не вняли, «допустивших» и «прошляпивших» примерно наказали, а сам договор сгоряча хотели и вовсе похерить. Но замешкались: как решить вопрос, чтобы дипломатия не пострадала, кумекали. И тут контрразведку флота осенило, – всю, или кого-то одного, не важно – если они под видом курьеров зашлют к нам шпионов, то почему мы не можем сделать то же самое? Каких курьеров, спрашивается? Ага, неувязочка... сей момент поправим! С давних времён и в Земном Содружестве, и в Кооперативном Союзе существует служба доставки специальных грузов, не обязательно контрабанды, но обязательно чего-то такого, о чём заказчик не хотел бы информировать широкую общественность и всегда для него (заказчика) ценного. Отсюда правило: один продавец – один курьер – один заказчик, или по-другому: в чьи руки продавец передаёт посылку, из тех же рук заказчик её получает, и никак иначе! И вот встретились на «Гондоре» представители фирм, занимающихся спецдоставкой по обе стороны границы. Когда обменялись каталогами, стало ясно, что предложить своим клиентам им есть что. И всё бы ничего, но как быть с правилом «из рук в руки»? Передачу от одних к другим на границе клиенты точно не одобряют. Стали вопрос решать. Где смогли – убедили, где не смогли – подмазали. Так родился наделавший впоследствии столько шума договор. А он и вправду казался пустяшным: по одной лицензии каждой стороне. Так вот, кинулась контрразведка флота эту лицензию выкупать, но опоздала: приобрёл её некий Джузеппе Конти и даже успел зарегистрировать на «Гондоре» в соответствующем ведомстве Кооперативного Союза. Вот и пришлось вице-адмиралу Фёдору Маккейну лично решать эту проблему. Решал сам, никого к переговорам с ушлым потомком венецианских купцов не допустил. Вернулся с них (переговоров) слегка вспотевший, но гордый. Швырнул перед подчинёнными лицензию и не без ехидства выразил надежду, что остальное они способны решить самостоятельно.

А чего, собственно, решать? Звездолёт к лицензии прилагался. Оставалось подобрать экипаж. В лицензии числились всего два человека: командир Джузеппе Конти и юнга Карло Конти, его (Джузеппе) обожаемый племянник. Начали с командира. Вскоре компьютер выдал 98-процентное совпадение. Когда перед начальником контрразведки положили досье, адмирал Маккейн думал недолго. Приказал вытаскивать капитан-лейтенанта Катанью, то бишь вашего покорного слугу, из той задницы, куда упёк его в своё время мстительный адмирал Коэн, добавив, что свезло парню, а старый хрен перетопчется.

Вскоре уже вице-командор Катанья выбирал из предложенного числа кандидатов на роль Карло и выбрал, как вы, наверное, догадались, Климa Снегова. И пусть мальчик не был на вершине списка по проценту совпадений, Катанья сумел убедить руководство, что ему нужен именно такой напарник. Руководство дало добро и на привлечение Снегова к секретной миссии, и, стало быть, на его временное изъятие из лётной школы. Так Клим оказался в одном из центров подготовки контрразведки Звёздного флота, где, проходя спецподготовку и попутно общаясь с дядей и племянником, постепенно превращался в Карло Конти. А месяц спустя вместе с «дядей Джузеппе» уже гнал «Маленькую Венецию» к «Гондору».

– Карло, малыш, напомни старому дядюшке, что такое гиперпрыжок?

Клим терпеть не мог придуманный Катаней способ проверки его знаний, приравнивал это к категории особо изощёренных пыток, и вообще предпочёл бы нести вахту в одиночестве, но как об этом скажешь командиру звездолёта? Эх, сыграй сейчас любая из корабельных тревог, было бы во сто крат лучше. Но какая может случиться тревога на до безобразия исправном кораблике, галопирующем на гребне гиперсветовой волны по магистральному гипершоссе? Пришлось отвечать.

– Гиперпрыжком, дорогой дядюшка, называется расстояние от точки входа до точки выхода, пройденное за 10 часов.

– Почему именно за 10 часов?

– Потому что столько времени может работать любой гипердвигатель без перезагрузки при движении звездолёта в свободном пространстве.

– Допустим. Но если время при расчёте гиперпрыжка является величиной постоянной, то почему сам гиперпрыжок есть величина переменная?

– Да потому, дядюшка, что переменной является скорость перемещения корабля в гиперпространстве, и зависит она от мощности гипердвигателя и от внешних воздействий на гипертуннель.

– Перечисли мне эти внешние воздействия.

– Так нет у них имён, дядюшка, – усмехнулся Клим. – Ибо, хотя степень воздействия измерена, природа их, увы, неизвестна.

– Допустим, – повторил Катанья. А сколь велика разница между наименьшим и наибольшим гиперпрыжком, и каково влияние на эту разницу внешних воздействий по сравнению с влиянием на неё же мощности гипердвигателя?

– На сегодняшний день максимальная разница составляет 19,8 Тм в основном за счёт разницы в мощности гипердвигателя, влияние внешних воздействий в этом расчёте ничтожно.

– Переведи тераметр в километры, быстро! – потребовал Катанья.

– Один миллиард километров, или одна тысяча астромиль! – без раздумий ответил Клим.

– Молодец, юнга! – одобрил Катанья. – Ты заслужил пятнадцатиминутный перерыв...

**

... – Тебя, мой мальчик, возможно, удивляют и даже раздражают вопросы, к юнге Карло касательства вроде бы не имеющие.

– Никак нет, господин вице...

– Отставить, юнга! Нет других имён, есть только дядюшка Джузеппе, просто дядюшка или, на худой конец, командир. Помни, одно случайно сорвавшееся с губ слово может навсегда отрезать дорогу в наше пространство. Что до наших с тобой упражнений, то обычного юнгу они просто обязаны раздражать. Зачем ему, перемещающемуся исключительно по гипершоссе на жалком почтовом судёнышке, помнить про гиперпрыжки? Да сто лет они ему, потребителю, не нужны! Но если юнга Карло не простой потребитель, а разведчик Звёздного флота, то у него эти данные должны впечататься в память; как знать, в какую секунду они могут потребоваться? Вот скажи, на какое расстояние мы отпрыгнем в пространство, если, конечно, успеем оседлать гиперсветовую волну?

– Грубо говоря, на 18 парсек.

– А нам точнее и не надо. А в какую сторону надо прыгать?

– Ну... чтобы противник нас потерял...

– Ответ неполный, юнга. Ты что-нибудь про эффект Кларка слышал?

– Если вы имеете в виду классика фантастической литературы Артура Кларка, то даже кое-что читал.

– И это всё?

Под насмешливым взглядом Катаньи Клим было крайне неудобно, и он напряг память.

– Есть такая Пустошь Кларка.

– Уже лучше. Ладно, знал – уже бы вспомнил. Не кисни, в лётной школе вам такого не давали. Имя Артура Кларка носил один из первых исследовательских звездолётов. В то время каждая звёздная экспедиция привозила столько новых открытий, что человечество в научном плане развивалось натурально скачками. И вот поручают экипажу «Артура Кларка» заглянуть в ту область пространства, где совсем не было звёзд. Не в область Чёрной дыры, там, как известно, звезда таки имеется, а в беззвёздную пустошь. Ну, прыгнул «Кларк» и через 10 часов, как и положено, встал на перезагрузку гипердвигателя. А он не запускается! Проверили концентрацию гиперонов – Мама Миа! – она там даже ниже чем в ближнем космосе. Амба! Связи нет, до ближайшей звезды даже на пятой маршевой примерно 56 лет телепаться. А что делать? Полетели! Благо сообразили идти тем же курсом, что и прибыли, и, главное, не забывали периодически пробовать запускать гипердвигатель. И вот ведь через 7 лет он таки запустился! Ты уже верно догадался, что произошло?

– Ну...

– Ладно, начало подсказу. В тот год, когда у них запустился гипердвигатель, был открыт Закон гравитационной зависимости, который гласит... – Катанья выжидающе посмотрел на Снегова.

... – Концентрация гиперонов, достаточная для создания устойчивой гиперсветовой волны, возможна только в средних по интенсивности гравитационных полях, потому что в сильных полях гипероны разбрасываются, а в слабых рассеиваются, – выпалил Снегов.

– Зачёт! – похвалил Катанья. – Может, скажешь, почему запустился двигатель у «Кларка»?

– Насколько я помню, – осторожно начал Снегов, – почти сразу за открытием Закона гравитационной зависимости были созданы первые гиперворота. И видимо, именно их установили в точках входа и выхода «Артура Кларка»?

– Молодец, юнга! Всё верно. Поставили ворота и создали между ними устойчивый гиперсветовой туннель, в совокупности с гиперворотами именуемый теперь гипершоссе, которое и «подстелили» прямёхонько под «Кларка». Одно уточнение. После открытия Закона гравитационной зависимости сразу стало понятно, что случилось с «Кларком». Тут же стали искать способ вытянуть его из пустоши, а продвинулись много дальше: изобрели гипершоссе.

Дальний космос. Зона ответственности космической станции Земного содружества «Гондор». Единая дата: 20.08.0150

– Вахтенный начальник – командиру. Прошли дальние ворота. Гипердвигатель застопорен, звездолёт продолжает движение по инерции.

– Добро, юнга. Запустить маршевые двигатели на реверс, погасить инерцию.

– Принято... Инерция погашена, тяга на маршевых двигателях переведена на zero.

– Добро. Маневровыми двигателями сориентировать корабль на «Гондор».

– Принято. Манёвр выполнен. Расстояние до «Гондора» 800 астромиль.

– Добро. Задать четвёртую линейную скорость и передать управление компьютеру.

– Принято. Скорость задана, управление биокому передано.

– Добро.

– Компьютер – командиру. Корабль следует курсом на пограничную станцию «Гондор».

Маршевая скорость 4,75 LiV. Время в пути 2 часа 47 минут.

– Принято, компьютер, без нужды не беспокоить.

– Принято к исполнению.

Катанья повернулся к Снегову.

– Ну, что, племянник? Пара часиков до торможения у нас имеется. Давай-ка пороемся в твоей памяти и попытаемся извлечь оттуда информацию о пограничных станциях Земного содружества в целом и о «Гондоре» в частности. Тридцать секунд на подготовку и начинай излагать.

Клим лишь усмехнулся. Какая подготовка, зачем она ему, если по этой теме он имел в лётной школе 45 баллов?

– Первый пикет – так до «Гондора» по астрокоду именовались с добавлением порядкового номера все пограничные станции – был установлен в 27-м году Эры Освоения на расстоянии 500 астромиль за орбитой Плутона. С инженерной точки зрения, пикет представляет собой автономную космическую станцию модульного типа, где в случае необходимости любой модуль может быть отстыкован. «Пикет-1» состоял из трёх модулей: центрального, где размещались инженерная, медицинская, спасательная и административная службы; военного, где базировалась эскадра Звёздного флота; научного, частью которого была небезызвестная астрофизическая космолаборатория «Коперник». В задачу «Пикета-1» входила защита Солнечной системы от иноземного вторжения – отсюда военная база, и научные исследования – отсюда научный модуль. Именуемый «прыжковым» метод освоения космического пространства обусловил установку пикетов на расстоянии гиперпрыжка за пределы освоенного пространства. Когда у потребителей появились звездолёты, оборудованные гипердвигателем, возникла необходимость в установке на пикетах ещё одного модуля – пограничного. В задачу пограничников входит пресечение попытки несанкционированного проникновения за пределы освоенного пространства. Конфискованным у контрабандистов грузом и оборудованием занимается таможенная служба, расположенная на том же пограничном модуле. Переход на пикетах с вахтового несения службы на постоянный потребовал создания более комфортных условий проживания служащих и членов их семей, так появился гражданский модуль.

– Неплохо, – похвалил Климa Катанья. – А что «Гондор»?

– «Гондор» – первый пикет, установленный на рубеже пространства подмандатного Земному Содружеству. Поэтому было решено присвоить пограничной станции собственное имя, а от наименования «пикет» в отношении её впредь воздерживаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.